

НАТАЛЬЯ МИЛЯВСКАЯ

СКУПЩИК

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Наталья Милявская

Скупщик

«Автор»

2015

Милявская Н.

Скупщик / Н. Милявская — «Автор», 2015

В Москве действует некий Скупщик - темный демон, который скупает таланты разочаровавшихся в успехе людей взамен на деньги и славу. Скупщика преследует галерист Илья Свирин - и в багажнике Ильи есть святая вода и деревянный крест. Но что именно нужно художнику от Демона? Содержит нецензурную брань.

© Милявская Н., 2015

© Автор, 2015

Содержание

1.	5
2.	13
3.	21
4.	26
5.	38
6.	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Наталья Милявская

Скупщик

1.

Ему не нужна твоя душа. Ему нужен твой талант.

Пиво было разбавленным. Кирилл сделал глоток, прислушался к послевкусию, покачал головой. Пиво здесь было разбавленным всегда – но сегодня бармен, кажется, перешел все границы. А ведь бармена Кирилл знал очень хорошо! Словно опасаясь пересечься с Кириллом взглядом, Семен, высокий сутулый парень с цветной татуировкой на шее и в форменной футболке спорт-бара «По одной», отойдя к дальнему концу стойки, нарочито внимательно выслушивал очередного клиента. Кирюша поколебался – дожидаться Семена и предъявить ему претензии, или вернуться к столу? Зависнув на пару мгновений, Кирилл понял, что ему, в принципе, плевать на степень разбавленности пива, уж очень хочется продолжить банкет – и, ловко подхватив четыре тяжелых бокала, двинул сквозь толпу в дальний угол переполненного зала. На экранах, развешенных по всему заведению, синхронно гоняли мяч по яркому зеленому полю неестественно бодрые футболисты.

– Темное кончилось, взял светлого нефильтрованного! – Кирилл бахнул на обшарпанный деревянный стол бокалы, приземлился на жесткую скамью и с аппетитом хрустнул ржаной гренкой.

– Да по фиг уже, на халяву-то! – хохотнул Стасик, расплющил в пепельнице окурочек и потянулся за своим пивом. Жмущаяся к его плечу Олеся, нетрезво подмигнув Кириллу, цапнула свой бокал наманикюренной лапкой.

Кирилл в очередной раз скользнул взглядом по засаленному воротнику Стасиковой футболки, усыпанной перхотью, и подумал, что для ведущего артиста одного из лучших столичных театров Стас выглядит уж слишком непрезентабельно. Жидкие волосы, забранные в жалкий крысиный хвостик дешевой резинкой. Стоптанное, некогда щегольские мокасины, из светло-бежевых превратившиеся в буро-серые. Дешевые джинсы. Если бы Кирилл получил «Заслуженного», он бы уж точно не одевался, как провинциальный программист. И не ездил бы на потрепанной ауди. И не обжимался бы по дешевым закусточным с молодящимися разведенными актрисами, которые в свои неполные сорок пытаются выглядеть на неполные двадцать, обтянув раздавленное тело цветастыми подростковыми тряпками.

«Ну, так и ты не Бред Питт!», сказал кто-то ехидный в его голове. Кирилл усмехнулся и придвинул к себе пиво.

Сидящая напротив него Жанна, чьи нетрезвые, густо подведенные черным глаза, кажется, разглядывали прямо перед собой что-то невидимое, вышла из ступора и немного удивленно уткнулась взглядом в стоящий перед ней полный бокал. Василий, час назад предусмотрительно заказавший триста беленькой, капнул себе в рюмку очередную порцию.

– Я не понял, Васо, ты пьешь, или лечишься? – снова хохотнул Семен. – Ох, молодежь! Я в ваши годы мог две по пол-литра уговорить в одно лицо, а вечером отыграть «Дни Турбиных», не моргнув!

Стасик, в свои сорок пять, обожал вставлять при случае: «Ох, молодежь!» и: «Я в ваши годы!».

– Ты и сейчас, не моргнув! – прыснула Олеся.

Василий, кудрявый прыщавый шатен с меланхоличными глазами, приподняв рюмку, вопросительно глянул на Стасика.

– Да без тоста уже! – сказал тот и сделал два больших глотка. Остальная компания последовала его примеру.

Кирилл выпил пива, сунул в рот пару картофельных чипсов, прикрыл на мгновение глаза... Как ни старался он сегодня бодриться, настроение было хуже некуда – и пиво, вопреки ожиданиям, все только усугубляло.

Он знал, когда именно на него навалилась эта тягучая, беспросветная хандра. Сегодня днем, когда в театре на доске объявлений он увидел приказ о назначении на премьеру. Напротив роли Гамлета стояла фамилия Зеленского. Кирюша на мгновение задержался перед приказом, еще раз ухватил взглядом эту нахальную кичливую фамилию, и скривился. В желудке словно шевельнулась холодная мерзкая змея. Именно поэтому он потащил сегодня друзей в бар после репетиции, купил всем пива, горячих креветок в кляре, объясняя свою неожиданную щедрость порывом души, и почти залпом выпил две первые кружки, желая поскорее захмелеть... Но хмель его не брал, невидимая змея тягостно шевелилась где-то внутри, и Кириллу казалось, что внутренности пропитываются ядом...

Он вынул из лежащей рядом на столе пачки сигарету, закурил, сделал пару затяжек, попытался рассмеяться над какой-то бородатой байкой, которые, не переставая, травил Стасик... Потом мрачно понял, что попытка развеяться окончательно провалилась.

Чертов Зеленский!.. Он ведь абсолютно не конкуренция Кириллу – ни фактурой, ни талантом... Почему же тогда каким-то фантастическим, непостижимым образом все главные роли, которые прочили Кириллу, за последние пару лет достались Зеленскому? Если бы Кирилл не был уверен в стопроцентной гетеросексуальности худрука (Жанка не даст соврать!), он бы решил, что эта парочка голубков отлично спелась! Иначе чем объяснить, что Зеленский играет премьеру? И это после двух репетиций – потому что буквально за неделю до открытия сезона этот Ди Каприо местного розлива вернулся со съемок очередного дрянного блокбастера.

– Ты вообще понимаешь, что он бездарность? – поинтересовался Кирилл у Василия, наблюдающего за беготней разноцветных человечков по подстриженному газону.

– Что? – оторвался от экрана приятель.

– Зеленский – бездарность! – повторил Кирилл.

– А! – Василий глянул на него, замаялся. Он тоже видел сегодня злополучный приказ. – Да ладно тебе, забей, будет у тебя еще премьеры, сезон только начался!

– Сезон? – Кирилл криво усмехнулся. – У меня уже лет десять, как не сезон! Черт, здесь вообще меняют пепельницы? – зачем-то крикнул он сердито в толпу.

Раздражение росло, и Кирилл принялся переставлять бокалы, вытирать салфетками мокрые круги на столе, прикурив новую сигарету от предыдущей. Василий молча наблюдал за его бессмысленными манипуляциями.

– Олесь, ну ты-то понимаешь суть этого фарса? – поинтересовался Кирилл, оставив, наконец, бокалы. – Зеленский – бездарность!

– Кирюша, у него фактура! – примирительно сказала Олеся.

– Фактура? – расхохотался Кирилл. – Обнять и плакать! Вот у меня – фактура! Жанка, скажи!

Жанна, откинув со лба длинную прядь светлых волос, неожиданно показала всем присутствующим неприличный жест, от локтя наглядно обозначив длину Кирюшиной фактуры. Все покатались со смеху.

– Ну, ты у нас известный спец! – прохрюкал Стасик Жанне.

Кирилл отмахнулся от нетрезвой приятельницы.

– Зеленский – без-дар-ность! – произнес он по слогам. – Его на главную роль в этот фильм, совместный с французами, взяли по одной единственной причине. Угадаете? Потому что он дочь инвестора вовремя того!.. – повесил он многозначительную паузу.

– Значит, у Зеленского фактура! – снова под общий хохот повторила свой жест Жанна.

– Да он ноль без палочки! – зло рявкнул Кирилл. – Ему на театр наплевать! А я, между прочим, ради премьеры у Бондарчука отказался сниматься. Идиот! Ты знаешь, сколько у Бондарчука платят за съемочный день?

– Да знаем, знаем, ты уже сто раз рассказывал! – отмахнулась Олеся и захихикала – Стасик влез языком ей в ухо.

– А премьеру играет кто? Правильно, Зеленский! – не унимался Кирюша. – Он же у нас звезда! А я так, хрен с горы, во втором составе!

Жанна кивнула, но мысли ее, кажется, были далеко. Василий, удерживаясь от комментариев, налил себе еще водки. Кирилл затушил недокуренную сигарету, глянул на приятеля.

– Поделишься?

Водка была уже теплой и неожиданно мерзкой – Кирилл, сделав судорожный глоток, поперхнулся, со стуком поставил рюмку на стол, запил водку пивом, поморщился. «Теплая водка и разбавленное пиво. Вот твой удел, чувак!» – сказал мерзкий невидимка в его голове.

Кирилл еле сдержался от удушающего желания вскочить из-за стола и устроить дебош. Встрячь в драку. Навалить Семену за разбавленное пиво, наорать на кого-нибудь просто так, опрокинуть стол, перебить всю, имеющуюся под рукой посуду. Получить в морду, потерять сознание, плюнуть на все, отпустить себя... Вместо этого Кирилл опять скривился, произнес мрачное «Бля!..», и снова закурил.

Внезапно ему почудилось, что кто-то сверлит его глазами. Кирюша физически ощутил тяжелый, пристальный взгляд, прожигающий затылок. Оглянулся, всмотрелся внимательно в окружающих – все в баре были заняты своими делами. Показалось! Но в солнечном сплетении отчего-то появился тревожный холодок...

– Слушай, ну, ладно, я, романтический дурак, за успехом в Москву рванул, а тебя чего нелегкая понесла в театр? – поинтересовался Кирилл у Василия.

– Кира, не начинай! – поморщился тот. – Так сложилось. В детстве в драмкружок ходил.

– Все мы в детстве ходили в драмкружок... – усмехнулся Кирилл. – Между прочим, я мог в Воронеже, в Драматическом ведущим актером остаться, после института, а не сидеть тут на «кушать подано». И квартиру бы уже давно получил от Отдела Культуры, как мой однокурсник, Николаев Жека, а не жил бы в Бибирево, в съемном клоповнике. Я ради театра всем пожертвовал, всем, понимаешь? Я у Бекмамбетова отказался сниматься, в прошлом году, а ты знаешь, сколько у Бекмамбетова платят за съемочный день?

– Да знаю, знаю, ты рассказывал! – кивнул Василий.

– Десять лет в профессии – ни ролей, ни денег, ни славы, – продолжил Кирилл. – Костя, который у Бекмамбетова снимался – он же звезда теперь! Его же теперь в Голливуд зовут, в какой-то муйне про вампиров сниматься. А это я должен был в Канны на фестиваль лететь, фейсом торговать на ковровой дорожке и жрать халявный «Кристалл». И вот она, ирония судьбы – где он, и где я? Лучше б я в школе вместо драматического в авиамодельный пошел! На хер мне это искусство?

– Зайчик, ты ж реально талантливый! – неожиданно встряла Жанна, положив голову Кириллу на плечо.

– А толку? – отмахнулся от нее Кирюша. – Ничего никому не нужно! Ни талант, ни фактура, ни преданность труппе... – он, уже не спрашивая, долил в свою рюмку остатки водки из залапанного графина. – Верись, – обратился он к Василию, – я бы душу дьяволу продал, лишь бы начать все с начала! Хрен бы я тогда вообще в Москву поехал! Остался бы дома, бизнес с братом затеял бы... Коттедж бы себе отгрохал в три этажа! И гори он огнем, этот театр, и этот Зеленский!.. Потому что он без-дар-ность! Я с ним на одном гектаре на поклоны не выйду!

Кирилл махом заглотнул водку, бросил в пустую рюмку окурок, залпом допил свое пиво и замолчал, глядя куда-то в дымный дальний угол бара. Василий, чтобы не усугублять настро-

ение приятеля, тактично занялся остатками гренков. Стасик и Олеся самозабвенно тискались и хихикали, как подростки, Жанна, еще на середине Кирилловой тирады ушедшая в себя, положив голову ему на плечо, меланхолично разглядывала собственный маникюр...

Цветные человечки на поле, наконец, догнали мяч и, к вящей радости посетителей бара, загнали его в ворота. Заведение взорвалось нетрезвыми восторженными криками.

Водка возымела неожиданно-странный эффект – Кирилл вдруг увидел происходящее со стороны. Так, словно впервые вошел в этот бар, и впервые увидел два ряда грубо сколоченных столов вдоль выкрашенных в оранжевый цвет стен, длинную барную стойку, за которой сутился бармен, сизый от сигаретного дыма воздух, сидящих за столом людей. Обрюзгший мужчина со смутно знакомым по дешевым сериалам лицом, обнимающий жмущуюся к нему вульгарную женщину в яркой футболке с Микки Маусом. Пьяная скуластая блондинка с наклеенными ресницами, прикорнувшая на его плече. Патлатый прыщавый тип с торчащим кадыком, жующий ржаные гренки. Кто все эти люди? Что они делают в его жизни?

Они просто прикидываются его друзьями. А на самом деле они тряпичные куклы! Фигуры из картона. Бутафория! Персонажи какой-то дурной скучной пьесы, в которую сам Кирилл попал по недоразумению. И они только делают вид, что они его друзья, и им есть дело до его переживаний. На самом деле они просто произносят написанный кем-то текст. А внутри каждый из них набит старой лежалой соломой.

На Кирилла навалилась звенящая, плотная пустота. «Не надо было мешать водку с пивом!», тоскливо подумал он. Веки стали тяжелыми. Кирилл потер глаза, поморгал...

...и в следующую секунду нос к носу оказался со странным субъектом.

Какой-то парень в черной куртке и накинутом на голову глубоком капюшоне – так, что почти не было видно глаз – сидел напротив него за столом. Там, где секунду назад сидел Василий. Широкие плечи, спортивный поджарый торс. Руки незнакомца покрывали модные затейливые татуировки – буквы, кроваво-красные розы, какие-то странные символы и цифры, переплетаясь, струились по его длинным пальцам.

Вместо приветствия незнакомец пододвинул к Кириллу полный бокал темного пива, подернутого густой аппетитной пеной.

– З...драсьте! – произнес растерянно Кирюша. Хоть убей, он не мог вспомнить, когда именно к их компании присоединился новенький. – А ты... кто?

– Никита, друг Василия! – представился парень, вынул из уха крохотный наушник и протянул Кириллу для рукопожатия руку.

– А Васька где? – удивился Кирилл, пожимая крепкую ладонь. Такие руки бывают у чемпионов мира по вольной борьбе – одно неловкое движение, и собеседник с легкостью переломает тебе все кости.

– Уехал. Вместе со Стасом и Олесей, – сказал парень. – И Жанне уже пора!

Только сейчас Кирилл заметил, что нет за столом ни Стасика, ни Олеси, и только Жанна, задремав, все еще сидит рядом на скамье, привалившись к стене. Но уже через мгновение она проснулась, глянула на Кирилла мутным взглядом, цапнула лежащую рядом сумку.

– Я домой! До завтра! – чмокнула Жанна Кирилла в щеку и, словно не замечая сидящего за столом незнакомца, встав, направилась к выходу.

Кирилл проводил ее недоуменным взглядом. Отлично! Как он упустил, что посиделки закончились?

– Пиваса хочешь? – спросил парень в капюшоне. – Угощаю!

Кирилл нерешительно посмотрел на бокал пива, потом на парня в татуахах. В его душе вдруг шевельнулось нехорошее предчувствие. А что, если, пока он предавался пьяным раздумьям, кто-то из его друзей встрял в баре в конфликт, и вся компашка трусливо оставила его одного разбираться со странного вида оппонентом?.. Попили, называется, пивка!

– Чумовой все-таки альбом у Aerosmith, девяносто третьего года. «Get a Grip», слушал? – поинтересовался незнакомец, поставив на паузу трек в своем плеере. Один из проводков его наушников был грубо перемотан изолентой.

– Я тебя знаю? – осторожно спросил Кирилл, поймав себя на том, что не может оторвать взгляда от узоров, украшающих кисти рук неожиданного собеседника. Этот, ниоткуда появившийся тип показался Кириллу донельзя подозрительным. Этакая странная помесь спортсмена с хипстером. То ли он двинет тебе в челюсть, то ли сфотографирует для своего блога.

– Неа, – весело сказал парень, блеснув из-под капюшона голубым глазом. – А вот я тебя – да! Я ж на спектакли постоянно хожу. Вон, в субботу был!

– На Беккете, что ли? – удивился Кирилл.

– Ага. Крутая вещь! Ты, кстати, молоток, зал только на тебя и смотрит! А в «Макбете» ты как жару даешь, а? А в «Грозе» ты просто звезда!

Кирилл, не веря своим ушам, расплылся в смущенной улыбке.

– Серьезно? Ты на спектакли ходишь? – потрясенно хохотнул он, еще раз оглядывая собеседника. Широкие черные штаны-шаровары, высокие шнурованные ботинки на тяжелом протекторе, вытертый рюкзак из мягкой кожи, брошенный на пол. Татуированный Никита совершенно не походил на театрала.

Все еще находясь в приятном замешательстве, Кирилл сделал глоток пива и обомлел. Это был изумительный холодный портер, такой, каким он и должен быть – тягучим, чуть вязущим, со сладковатым карамельным привкусом. Такое вкусное пиво Кирилл, кажется, пил только в Чехии, в прошлом году, на гастролях. Семен что, в припадке безумия проникся любовью к клиентам и открыл секретную кегу?

Парень в капюшоне с едва заметной ухмылкой наблюдал, как Кирилл смакует пиво.

– Скажу тебе честно, чувак – я твой поклонник, – с неожиданной теплотой в голосе сказал Никита. – Фанат! Если смотреть правде в глаза, в вашей богадельне ты реально самый талантливый. У тебя энергетика! Фактура! Я после Островского ночь не спал. Прикинь? У меня нюх на талантливых людей!

Кирилл оторвался от пива. Беседа удивляла его все больше и больше.

– Вот так и приходит слава... – сказал он после паузы с легкой иронией. – Мне и ролей-то, по сути, хороших не дают.

– Вот... Во-от!.. – продолжал Никита. – Ты же в этом театре пропадаешь!

Брови Кирилла поползли вверх. Черт! Есть же нормальные, понимающие люди, которые видят, что Кирилл гробит собственный талант на второстепенных ролях!

– А мог бы нормально в кино сниматься! – кивнул Кирилл, ошеломленный тем, что собеседник словно читает его мысли. – Меня на Первый канал недавно в сериал звали, а я отказался, дурак! Прикинь? Знаешь, сколько на Первом за съемочный день платят?

Никита понимающе кивнул. Кирилл вдруг понял, что это даже к лучшему, что его коллеги ушли, и он остался один на один с этим прикольным парнем. «Воображаю, как Стасик закатил бы глаза, если бы случайный собеседник заявил в нашей компании, что я – самый талантливый в труппе!» – злорадно подумал Кирилл.

А ведь он и правда хорош! Он хорош! Он способен на многое, а не только на те копеечные роли, которые ему достаются в последние годы. Просто уже очень давно никто не хвалил Кирилла. Не говорил ему, как он талантлив! Не оценивал глубину его дара по достоинству!

Кругом – сплошь завистники и фарисеи!

Кирилл сейчас не смог бы с точностью сказать, кто такие фарисеи, но это словечко показалось ему удивительно точным для обозначения тех псевдо-дружелюбных людей, которые окружают его в театре.

– А ты... только в театр к нам ходишь? – уточнил Кирилл.

– Не, я тебя и в кино видел! – мгновенно сообразив, к чему он клонит, сообщил Никита. – Только ты давно не снимаешься. Сериал такой прикольный шел, года три назад... Про врачей.

– «Второе дыхание»! – обрадовался Кирюша.

– Во-во! – кивнул Никита. – Точно! Мне понравился! И ты там круто играл.

Кирилл проникся неожиданным уважением к собеседнику. Ха, а ведь он не врет, и реально помнит сериал с его участием. Может быть, вот так, неожиданно, в жизни каждого настоящего актера появляются настоящие поклонники? Есть же у этого, прости, Господи, Зеленского, свой фан-клуб!

Никита глянул на Кирилла, а затем наклонился к нему и спросил уже другим, абсолютно серьезным тоном.

– За сколько ты бы продал свой талант?

– Что? – поперхнулся пивом Кирилл.

Кажется, звуки в баре странным образом поменялись – гул голосов отошел на второй план, а на Кирилла навалилась какая-то странная, звенящая, тревожная тишина. И в этой тишине был отчетливо слышен голос парня в капюшоне.

– Если бы у тебя была возможность продать свой талант, какую сумму ты бы хотел получить?

Кирилл замер в недоумении. Что значит, продать талант? Он внимательней взгляделся в лицо собеседника, пытаясь понять, что именно тот имеет в виду. Может быть, Никита – кастинг-директор или представитель актерского агентства, и, прежде чем представиться, таким вот замысловатым способом пытается выведать, сколько Кирилл возьмет за участие в каком-то проекте? Может, это новая фишка такая, новое сленговое выражение – «купить талант»? В смысле, нанять актера на роль в кино?

– Смешной ты человек! – хохотнул Кирилл, решив, на всякий случай, подыграть Никите. – Талант нельзя продать. Это же не почка!

– Ошибаешься! – сообщил собеседник. – Все можно продать. Нужно просто найти покупателя. Миллион долларов тебя устроит?

– За что? – обалдел Кирюша.

– За талант! – повторил собеседник. – Сразу, наличкой. Без налогов. Купишь квартиру, машину. Ты ведь давно хотел...

– ... BMW X пятый, – произнес Кирилл. И обмер.

Потому что сидящий напротив него человек одновременно с ним назвал именно эту марку машины!

– Пошлишь подальше театр, в котором тебя не ценят, – продолжал вкрадчиво Никита, не давая ему опомниться. – Сможешь пожить в свое удовольствие... Просто представь – миллион баксов. А?

Кирилл улыбнулся, как во сне. Какой миллион? Что он мелет, этот Никита? Кто ему даст миллион долларов?

Но услужливое воображение уже нарисовало соблазнительную картинку, и перед мысленным взором Кирилла всплыли тугие пачки новеньких купюр. Миллион. Это сколько? Килограмма четыре денег? Пять? Миллион долларов – это же абсолютно абстрактная, астрономическая сумма, которую ему в жизни не заработать. Да это и есть целая жизнь!

В голове мгновенно включился калькулятор. Миллион долларов по курсу – это шестьдесят шесть или даже шестьдесят семь миллионов рублей. А то и все семьдесят, с нынешней-то инфляцией! Это квартира в пределах Третьего Транспортного. Плюс авто. Новое, с полноценной страховкой. Плюс стоматология – он уже давно намеревался починить несколько зубов, да все денег не хватало...

Стоп! Какая к черту, стоматология? Первым делом он должен пойти и уволиться! Высказать все, что он думает о худруке, о режиссере, о Зеленском, и послать эту гребаную шарашку

ко всем чертям! Уйти в солидную антрепризу. Нанять агента, начать пробоваться, наконец, в нормальные фильмы.

Хотя, что значит «пробоваться»? Да он сам себе роль в кино выберет! Это сейчас реально! Стать со-продюсером проекта, самому утверждать сценарий, самому выбирать роль, для начала податься в какой-нибудь мейнстримовый проект, потом можно и на арт-хаус замахнуться, сейчас модно уходить из большого кино в фестивальное...

От вырисовывающихся перспектив у Кирилла закружилась голова. Навалившаяся звонкая тишина не отпускала, обволакивала...

– Станешь популярным, уважаемым человеком... – голос Никиты, кажется, звучал у Кирилла в голове. – Свой в тусовке... Все руку жмут... Ну, продал бы?

Парень в капюшоне сверлил Кирилла глазами, и от взгляда этих гипнотических, голубых, почти белесых глаз Кириллу стало не по себе. По спине пробежал холодок. Сколько ему лет? Двадцать? Тридцать? У собеседника была приятная, но в то же время... какая-то неуловимая внешность. Кирилл, как ни старался, не мог собрать воедино черты его лица...

Да он же... сумасшедший! Факт! И за каких-то пару минут Никита умудрился заразить своим безумием и Кирилла.

– Слышь, Мефистофель! – улыбнулся через силу Кирилл, чтобы хоть как-то разрядить обстановку. – Я же просто пошутил, когда ляпнул про Дьявола...

Он глянул на руки парня в капюшоне, лежащие на столе – и вдруг увидел, что вместо крупных татуированных мужских кистей из рукавов куртки торчат костлявые старушечьи пальцы с ярко-красным маникюром!

Чувствуя, как волосы становятся дыбом, Кирилл в ужасе отшатнулся.

– Я... – прохрипел он, вскакивая со скамьи. – Мне домой надо!

Никита молниеносно протянул руку и ухватил Кирилла за запястье, не давая тому двинуться с места. Ловя пересохшим ртом воздух, Кирилла снова опустил взгляд – его руку держала татуированная мужская пятерня. Только теперь в витиеватых хитросплетениях розовых бутонов Кириллу явственно почудились сплетенные в хоровод черепа.

– Миллион баксов! – повторил Никита настойчиво. – Продай талант?

«Маньяк какой-то!» – пронеслось в голове у Кирилла.

– Бля, шутки у тебя! – нервно пробормотал он. – Ну, продай бы. На хер он кому нужен!

Никита расплылся в довольной улыбке и отпустил запястье Кирилла. Тот рухнул на скамью и...

...услышал, как в бар неожиданно вернулись звуки. У Кирилла было ощущение, словно он только что вышел из комы. Он перевел дыхание, огляделся вокруг. Странный морок, секунду назад державший его за горло холодными пальцами, испарился.

Напротив него, как ни в чем ни бывало, обычный парень Никита допивал свое пиво, глядя в экран. Никакой inferнальности, ужаснувшей Кирилла минуту назад, в нем и в помине не было.

Кирилл потер лицо, хмыкнул. Это ж надо было так накидаться!

– Я пьян, как фортепьян! – произнес Кирилл дурашливо. Потом глянул на часы, присвистнул. – О, пора двигать, а то метро закроют! Спасибо за пиво, Никитос! Приходи на спектакли!

Кирилл в два глотка опустошил бокал, взял со скамьи куртку и хотел, было, уже встать, но приставучий Никита снова ухватил его за запястье.

– погоди! – сказал парень в капюшоне. – Название забыл!

Он достал из кармана ручку и принялся что-то писать на тыльной стороне ладони Кирилла.

– Какое название? – удивился тот.

– Лотереи! Называется "Шанс". Джек-пот миллион долларов. Билет стоит тридцать рублей. Не забудешь?

Кирилл обалдело глянул на свою ладонь – размашистым витиеватым почерком на ней было написано: «ШАНС».

Мгновенное озарение посетило Кирилла – да его же разводят, как младенца! Продать талант! Миллион баксов! Наличкой! Какая восхитительная чушь!

– Ты меня купил! – расхохотался на весь бар Кирилл. – Вот умора! Выигрышный билет! Бах – и миллион зеленых? «Шанс»? Это Васька все подстроил? Вот зараза, а! Не, ну ты красавчик! Ха-ха!

Кирилл хлопнул Никиту по плечу, подхватил куртку и, не переставая хохотать, вышел из бара.

2.

Изображение оставляло желать лучшего – зернистая дерганая картинка, то и дело уплывающая в расфокус, низкое качество изображения. У человека, держащего телефон, сильно тряслись руки. Илья, видевший эту запись десятки раз, выучил ее наизусть.

Вот слышен шум и скрежет за кадром, а в самом кадре – потолок слабо освещенной комнаты. Затем камера делает резкий рывок, и на зрителя в упор смотрит странный помятый парень лет двадцати пяти. Всклопоченные волосы, несвежая футболка, вокруг глаз залегли темные круги, а сами глаза – абсолютно безумные. Оглянувшись, словно в комнате есть кто-то еще, парень шепотом сообщает:

– Она украла мои глаза! Я ничего не вижу! Ничего!

Он трет лицо, изображение прыгает, в кадр попадает захламленный книгами и кипами бумаг стеллаж, облупленный платяной шкаф, шаткий торшер в углу. Парень снова появляется в кадре.

– То есть... я вижу, но не вижу! Я ничего не могу увидеть, как раньше! Вот!

Автор странной записи бросается с телефоном к стене, от пола до потолка увешанной фотографиями. На экране беспорядочно мелькают снимки каких-то улиц, домов, чьи-то лица.

– Все это шлак! – почти кричит парень за кадром. – Дерьмо!

Непонятно, то ли этот человек пьян, то ли окончательно свихнулся. Телефон летит на пол, и какое-то время все, что видно зрителю – это круг света на потолке, отбрасываемый торшером. Судя по звукам, хозяин записи безжалостно срывает и раздирает в клочья фотографии со стен. Потом наступает пауза – человек за кадром, кажется, садится на пол, на слой рваной бумаги. В наступившей тишине возникает его болезненное бормотание:

– Прибежище мое, и защита моя... Он избавит тебя от сети ловца, от губительной язвы. Перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен...

Подобрав с пола телефон, парень продолжает скороговоркой читать молитву, глядя безумными глазами в камеру:

– Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем... – сделав паузу, он растерянно смотрит по сторонам, а затем переходит на свистящий шепот. – Это Демон! Де-моон! – повторяет он нараспев. – Демоны бывают разные... Они искушают, дают вам то, чего вы хотите... Только вам это совсем не нужно! Нет, нет, это не ваше! Встретите демона – не верьте! Не верьте! Не берите от него ничего нечистого!.. Глаза! Верни мне мои глаза!

Бормотание переходит во всхлипывания, изображение гаснет и обрывается.

Илья выключил планшет. В Интернете это видео набрало четыре тысячи просмотров. Комментирующие запись анонимы, наградив автора записи эпитетами «удолбыш» и «нарик», сошлись на том, что парень закинулся бутиратом.

Может, и так...

Илья глянул на часы, кинул компьютер на пассажирское сиденье, посмотрел за окно. В стремительно сгущающихся сумерках был виден небольшой уютный дворик, украшенный аккуратными клумбами, нагромождение разноцветных каруселей, горок и домиков на детской площадке, несколько припаркованных авто. Вот пронеслась по тропинке радостная такса, взрылая короткими лапками первые, опавшие листья. Вот донесся издали чей-то веселый смех... На фоне этой пасторальной картинке запись в Интернете казалась чьим-то дурным розыгрышем.

Вдалеке мелькнуло светлое пальто. Илья взглянул в зеркало заднего вида, удостоверился, что появившаяся во дворе особа – та, которая ему нужна, и вышел из машины.

Девушка была меньшего роста, чем представлял себе Илья, но в остальном сходство с фотографией было стопроцентным: аккуратное скучное каре, темно-каштановые волосы,

заостренный подбородок, сосредоточенное выражение лица. Черные лодочки, черные брюки и кожаный портфель в руке делали девушку безликим клоном тысяч офисных служащих, вынужденных в рабочие дни соблюдать традиционный дресс-код.

Илья перехватил ее у подъезда. Состроил гостеприимное лицо.

– Маша! Здравствуйте! Я вам звонил!

Брюнетка настороженно глянула на него и остановилась.

– Мне звонила какая-то девушка, я объяснила ей, что разговаривать не буду.

– Это моя помощница Юля вам звонила, – пояснил Илья. – А потом и я звонил, но вы бросили трубку! Меня, кстати, Ильей зовут! – и он подарил собеседнице одну из самых своих очаровательных улыбок.

– Вы из газеты? – сухо поинтересовалась Маша, не купившись на его очарование.

– Нет, что вы, я не из газеты! – снова улыбнулся Илья.

Маша оглядела его с ног до головы, удостоверилась, что одни только часы на руке Ильи потянут на годовой оклад репортера средней руки, затем стрельнула взглядом в сторону его белоснежного Бентли, припаркованного у обочины, и нахмурилась еще сильнее.

– Я не знаю, кто вы, но если вы от меня не отстанете, я позову полицию!

– Увольте, Машенька, какая полиция? Я не делаю ничего плохого!

– Вы меня преследуете!

– Мне просто хотелось с вами познакомиться! – продолжил играть в плейбоя Илья, доверительно понизив голос. – Пригласить на чашечку кофе... Подарите мне десять минут вашего драгоценного времени!

Он сделал шаг в сторону Маши, но она рванула с места и молниеносно оказалась возле двери подъезда. Однако Илья был быстрее – достигнув двери первым, он заслонил спиной домофон.

– Когда же вы от меня отстанете? – зло спросила брюнетка, прожигая Илью взглядом. – Два месяца от вас жизни нет! Я сказала – никаких интервью! Не уйдете – буду кричать!

Илья усмехнулся, а затем полез в карман и, сопровождаемый сердитым взглядом Маши, картинно достал оттуда пачку купюр, скрепленную дорогим зажимом.

– Давайте так: не хотите говорить со мной – пообщайтесь с господами Франклином и Грантом.

Илья нарочито-киношным жестом отсчитал несколько купюр по сто и пятьдесят долларов, с удовольствием наблюдая, как взгляд Маши становится оценивающим.

– А, впрочем, берите все! – сказал Илья беспечным тоном и протянул ей деньги. – Здесь ровно тысяча – по сто долларов за минуту разговора.

Поколебавшись, Маша взяла деньги и сунула их в карман пальто.

Они остановились между третьим и четвертым этажом.

– Дальше не пойдем! – произнесла Маша вполголоса. – Дома муж, не хочу разговаривать под дверью...

Илья мог побиться об заклад, что про тысячу долларов муж тоже ничего никогда не узнает.

– Если вы не из газеты, то откуда? – не унималась Маша.

«Вот упертая!» – подумал Илья.

– Считайте, я частный детектив.

– Ага... А я балерина! – скептически усмехнулась собеседница. – Не знаю, чем я могу вам помочь... Преступников задержали. Дело закрыли. В газетах все подробности уже обмусолили. Меня даже на «Пусть говорят» приглашали... Налетели, как стервятники.

– А незадолго до гибели Лизы не случилось ли чего... странного? Может быть, она вам рассказывала о каких-то необычных знакомствах... или происшествиях?

Маша поколебалась.

– Я вообще мало знаю о том, с кем она общалась. Друзья, мужчины... Не то, чтобы Лиза была скрытной, но перед семьей она не отчитывалась. К тому же, я ей старшая сестра, а не мать... Если бы не эти гребаные деньги...

– Какие деньги?

Маша посмотрела на Илью, невесело усмехнулась.

– Слушайте, не прикидывайтесь идиотом. Вы все и без меня знаете, это в каждой газете было. Громкое убийство гениальной скульпторши! – передразнила Маша интонацию телевизионных дикторов. – Самое смешное, что до этого, когда она годами ходила по всяким разным фондам и галереям, ей говорили, что ее работы не имеют никакой художественной ценности! А потом, когда появился этот зарубежный меценат и одним махом выкупил у нее все работы, она сразу оказалась гениальной!

Маша помолчала, глядя в пыльное подъездное окно.

– Я не знаю, повезло ей, на самом деле, или нет. Она такая счастливая была, когда подписала этот контракт, и сумма была абсолютно нереальная. Так везет одному из миллиона. Мы за нее так радовались! А в итоге эти деньги ее и сгубили!

– Почему вы так думаете? – поинтересовался Илья.

– Она как с цепи сорвалась, когда гонорар получила. Начала деньги тратить налево и направо. Хотя... кто бы не начал?.. Ремонт в квартире затеяла, машину дорогую купила... Вот они ее и вычислили. Их взяли на третий день, когда эти гады ее телефон понесли в ломбард. Наркоманы какие-то, из соседнего двора...

Маша шмыгнула носом. Глаза ее внезапно наполнились слезами. Растерявшись, Илья полез по карманам.

– Маша, я вас прошу... Только не плачьте!

– У меня есть платки, спасибо! – пробормотала Маша, выудив из сумочки упаковку салфеток. – Если бы она не вела себя так опрометчиво, ничего бы не случилось. И если бы она раньше времени в квартиру не вернулась, в тот вечер, они бы просто вещи вынесли и ушли... Это все чудовищный несчастный случай! Глупая, нелепая случайность!

Не совладав с собой, Маша зарыдала. Илья не решился обнять ее, он просто терпеливо ждал, пока она успокоится, чувствуя, как от всхлипываний внутренности превращаются в кисель.

– Маша, я не хотел снова напоминать вам обо всем этом...

– А я и не забывала! – резко ответила девушка, наконец, взяв себя в руки. – Что еще вы хотите знать?

Илья замялся.

– До подписания контракта, или после... рядом с Лизой не появлялось каких-то новых знакомых? Представителей покупателя, новых друзей?.. Может быть, вы кого-то видели, хотя бы мельком?

Маша подумала.

– Не знаю, кого именно вы ищите, но никого я не видела. Всю историю с покупкой работ Лизы знаю, по сути, с ее слов. С ней общались юристы или какие-то посредники. Она сначала деньги получила, а потом уже нас с мамой в известность поставила. Вот и все. Я уже могу идти? – девушка недовольно посмотрела на Илью.

Тот помолчал. Он сам, по сути, не знал, чего хотел услышать от Маши, но итог разговора его разочаровал.

– Да, конечно! Извините, что побеспокоил.

Маша еще раз глянула на Илью и направилась вверх по лестнице. Он остался стоять у подоконника. Наконец где-то наверху хлопнула дверь, и в подъезде установилась тишина.

На улице окончательно стемнело. Илья поймал себя на том, что вот уже несколько минут бездумно разглядывает исцарапанный именами и похабными надписями широкий, пережив-

ший не одну покраску подоконник старого сталинского дома. Он заметил пыль на рукаве своей кожаной куртки, но отчего-то передумал ее отчищать и медленно пошел вниз.

Ритка привычно долбанула кулаком в дверь и рявкнула:

– Кира, подъем! На репетицию опоздаешь!

Он был уверен, что это ему снится – но реальность уже заполняла рваными разноцветными фрагментами черный провал похмельного сна. Сначала навалился всепроникающий запах жареного лука, потом бормотание телевизора за стеной, затем солнечный свет полоснул бритвой по зрачкам, и Кирилл зажмурился, не успев даже толком открыть глаза. Стоило ему слегка пошевелить головой, как в черепной коробке материализовался невидимка с кувалдой и начал методично долбить в правый висок.

Кирилл потер лицо, открыл похмельный глаз и попытался сфокусироваться. Черт, кажется, он снова спал в одежде. Сделав над собой усилие, Кирюша сел на кровати.

Качнулись старые поблекшие обои, каждый завиток, царапину и дырочку на которых он знал наизусть, пошел волной пузатый платяной шкаф, на приоткрытой дверце которого висел темно-зеленый бархатный камзол, который он так и не сдал в костюмерную, подпрыгнули стоящие на подоконнике фотографии в рамках, книги и стопка пыльных дисков, затем в небольшом зеркале на противоположной стене мелькнуло его собственное, помятое лицо, и лишь потом изображение, наконец, пришло в норму.

– Доброе утро! – сказал сам себе Кирилл и потянулся за стоящей на полу у кровати бутылкой пива. Увы, бутылка была пуста. – Что ж мы такое пили вчера? – болезненно поморщился он.

Покопавшись в памяти, он вспомнил много пива и немного водки. Ну, если только водка была паленой, тогда еще можно объяснить то мерзкое состояние, в котором только что нашел себя на кровати Кирилл. Обычно его тренированный организм перерабатывал подобное количество алкоголя практически без последствий. Точно, водка была паленой! Надо будет звякнуть Васке, узнать, как он там жив-здоров, и завязывать ходить в эту дыру «По одной». Такими темпами там скоро начнут наливать клиентам тормозную жидкость.

В дверь снова постучали.

– Встал уже, встал! – громко сообщил Кирилл приставучей Ритке и ухватился за гудящую голову. – Бедный Йорик!

Толком Кирюша пришел в себя только в ванной. Какое-то время стоял, блаженно зажмурившись и поливая себя горячей водой. Затем капнул на ладонь геля для душа, с наслаждением намылился... и только тогда заметил на тыльной стороне ладони надпись «ШАНС».

Кирилл озадаченно смотрел на свою руку, пытаясь понять, что это за ерунда такая написана у него на руке. Потом в памяти всплыл смутный образ какого-то типа, который вчера что-то заливал ему про какие-то лотереи, про миллионы, и вообще прикидывался его фанатом. Кирилл хмыкнул и потер надпись мочалкой – буквы почему-то остались на месте. Кирилл еще раз, уже довольно болезненно потер кожу – надпись даже и не думала бледнеть.

Удивленный Кирюша, высунувшись из-за душевой занавески, критическим взглядом окинул полочки, заставленные гелями, шампунями, продавленными тюбиками зубной пасты и всевозможными кремами. Обнаружив на Риткиной полке какой-то скраб, он прочел название на этикетке: «Для эффективного отшелушивания». Сойдет! Щедро налив себе на руку скраб (производитель обещал не только эффективное отшелушивание, но и освежающий и омолаживающий эффект), Кирилл принялся тереть руку с надписью. Даже через минуту усиленного трения дурацкая надпись осталась на коже. Кирилл смыл скраб, поскреб одну из букв ногтем – безрезультатно!

По всей видимости, надпись с руки можно было удалить разве что напильником. Вот скотина! Мало того, что этот хер в капюшоне пытался его разыграть, так он еще использовал какой-то стойкий маркер. Мудила!

Плюнув на надпись – сойдет как-нибудь сама! – Кирилл продолжил намывливаться, мысленно добавив к зароку никогда больше не пить в баре «По одной» еще и зарок никогда больше не пить с незнакомцами.

Но из ванной Кирюша вышел в прекрасном расположении духа, свежий, почти бодрый, благоухающий, и, протиснувшись мимо стоящего на кухне у самых дверей детского стульчика, где восседала Антонина Всеволодовна в розовой домашней пижамке с лошадками, плюхнулся на свой привычный табурет у окна.

Антонина Всеволодовна радостно улынулась Кириллу, продемонстрировав розовые десна с кое-где прорезавшимися зубками, и кокетливо помахала ему крохотной ручонкой.

– Любит она меня все-таки, хоть ты тресни! – сказал весело Кирилл Ритке и включил чайник.

– А чего ж тебя не любить-то? – с иронией произнесла Ритка, ритмично взбивающая у стола рядом с плитой картофельное пюре. – Ты ж, как погремушка – веселый и бесполезный.

Кирилл глянул на увесистую Риткину задницу, затянутую в домашние трикотажные брюки, и хотел было хлопнуть по ней в воспитательных целях, но рука у Ритки была тяжелая, впрочем, как и характер, и Кирюша передумал.

– Ты не права, Марго. Я талантливый. И я приношу людям радость.

– И гонорею, – хмыкнула Ритка, полуобернувшись и глянув на Кирюшу хитрым карим глазом.

– Вспомнила! – хохотнул Кирилл. – Это ж когда было!

Ритка когда-то училась с Кириллом в одном ВУЗе, на художника-декоратора, и дружила с тогдашней Кирюхиной пассией, Леной. При каждом удобном случае Рита не гнушалась припомнить Кириллу историю о том, как он однажды заразил ее подругу неприличной болезнью. Но в общем, Ритка была неплохой приятельницей, именно поэтому пару лет назад она, ее муж Сева и Кирюша решили в складчину снимать «двушку». В Москве можно до старости прожить вместе с бывшими друзьями по общежитию – в целях экономии.

– А Сева уже ушел? – поинтересовался Кирилл. У Севы всегда можно было стрельнуть сигаретку.

– С утра еще, у него смена в детском саду.

– Точно! – вспомнил Кирилл. – Сегодня же среда! «В траве сидел кузнечик!» – пропел он дурашливо, изображая, будто растягивает меха невидимого аккордеона. Потом заглянул в холодильник, достал со своей полки кусок квелого сыра в полиэтилене, остатки батона в пакете, выложил свой нехитрый харч на стол, придирчиво осмотрел его.

Организм не хотел сыру. Он хотел тарелку горячего наваристого бульона. С мясом. И таблетку от головной боли.

– Рит, а... у тебя цитрамончика не найдется? – поинтересовался Кирилл с легким недомоганием в голосе.

– Закончился, – ответила соседка, пробуя пюре.

– Уже все сожрали? – удивился Кирилл.

– Угадайте, кто! – глянула на него Ритка.

– А супчика у тебя нет? Мне бы сейчас горяченького! – ничуть не смутившись, сказал Кирюша и посмотрел на нее такими же чистыми детскими глазенками, как Антонина Всеволодовна, которая в ожидании пюре с энтузиазмом грызла пластмассовую детскую ложку.

Ритка покачала головой, достала из холодильника кастрюлю и поставила ее перед Кириллом на стол.

– Куриный!

– Золотая ты женщина, Марго! – обрадованно продекламировал Кирилл и полез в полку с посудой. – Если бы не уважение к Севе, я бы тебя у него отбил, и на тебе женился!

– Кому ты нужен, флюгер театральный? – расхохоталась Ритка, сунув ложку с пюре дочери в рот.

Кирилл, ничуть не обидевшись, налил себе в миску куриного супа, сунул его в микроволновку, вернул кастрюлю в холодильник, заварил себе чаю. Ожидая, когда живительная жидкость разогреется, Кирюша уставился в экран висящего под потолком телевизора, по которому крутили мультфильмы. Ободренный койот все гнал и гнал по пустыне глупую голенастую птицу и все никак не мог ее поймать.

Вдруг Кирилл снова вспомнил про буквы на руке и принялся задумчиво разглядывать размашистую надпись.

– Ритка, а ты когда-нибудь в лотерею выигрывала?

– Чего? – переспросила та, продолжая возиться с дочерью.

– Ну, в лотерею! Покупаешь билет, стираешь защитный слой... Или, там, цифры угадываешь... Пять из тридцати шести. Прикинь, провераешь, бах! – а по билету выигрыш в миллион долларов!

– Миллион? Долларов? – насмешливо переспросила Ритка и покачала головой. – Вам, мужикам, лишь бы не работать. В лотерею он собрался выиграть! Писатель-фантаст! – она стряхнула с пижамки Антонины Всеволодовны кусок пюре, хмыкнула, и сказала Кирюше весело. – Все, на что ты или я можем рассчитывать в этой жизни – это фига с маслом!

Тренькнула микроволновка.

– Приятного аппетита! – пожелала Кирюше Ритка.

Неожиданно наступившее бабье лето разрезало город на яркие солнечные лоскуты. Жмурясь на солнце, Кирилл рысцой проскочил до метро, купил пачку сигарет в павильоне, проехал нужное количество станций, поставив громкость в плеере на «максимум». О том, что премьеру играет Зеленский, он запретил себе думать. Несмотря на Риткин суп, похмелье не отпускало, затаившись ноющей болью где-то в затылке, но в общем, на удивление, настроение было хорошим. Кириллу не терпелось доехать до театра и узнать таки у Василия, кто был тот тип, который вчера валял ваньку и с такой легкостью купил его на разговоры про миллион. Наверняка, актер – уж слишком складно вешал лапшу на уши!

Выйдя из метро, Кирюша миновал крохотный сквер, в котором при небольшом скоплении празднующей публики двое парней с гитарой и дарбукой устроили импровизированный концерт, ловко обогнул шагнувшую к нему девицу, из этой же компании, с кепкой в руке («Самому бы кто-нибудь на жизнь подал!»), пересек перекресток. Сразу за перекрестком начиналась череда киосков – «Печать», «Цветы», «Овощи-фрукты». Преодолевая на автомате знакомый до мелочей путь, Кирилл вдруг зацепил боковым зрением название «Лотереи Москвы». И замедлил шаг...

Он проходил здесь тысячу раз – от станции метро до здания театра. И тысячу раз видел названия павильонов. Но только сегодня его посетила шальная мысль – а что, если и правда, взять и купить лотерейный билетик?

Кирилл нерешительно потоптался на месте, зачем-то глянул по сторонам, и вернулся таки к киоску с лотереями. Стекланные его окошки были увешаны цветастыми листками разнообразных розыгрышей. «Счастливым случаем», «Семейная лотерея», «Розыгрыш «Юбилейный»». Кирюша запутался в названиях, мельком оглядел листочки с цветными наклейками, на которых нужно было не то зачеркивать цифры, не то стирать защитный слой. Потом ему вдруг стало неловко – словно он мальчишкой подглядывает в девичью раздевалку перед физкультурой. Докатился! Актер столичного театра выбирает себе лотерейный билетик! Тоже мне, Джеймс Бонд, играющий в казино! Кирилл хмыкнул, покачал головой и зашагал на репетицию.

Пробравшись в полутемный зал, Кирюша обнаружил Василия и Олеся на любимых местах – сбоку, возле ложи бельэтажа. Отсутствующий Стасик, видимо, то ли приболел после вчерашнего, то ли вовсе не был вызван в театр. Пожав руку Василию и чмокнув в щеку привычно пахнущую тяжелым сладким ароматом Олеся, Кирилл уселся в кресло. На огромной неуютной сцене, лишенной привычных задников и кулис, помреж раздавал какие-то указания бригаде монтировщиков.

– Круто вчера посидели! – сказал Кирилл весело. – Я до сих пор, как ежик в тумане. Вы как, бодрячком?

– Да нормально, – пожала плечами Олеся. – Вчера, когда мы уходили, и ты был бодрячком!

– Кстати! Вчера вы меня технично слили!

– Слышь, тень отца Гамлета! – сказал Василий с иронией. – А кто сообщил, что хочет побыть в одиночестве, и отказался ехать с нами на такси?

Кирюша удивленно вскинул брови.

– Да?

Олеся усмехнулась:

– Провалы в памяти?

Кирилл растерянно улыбнулся.

– Да нет, просто... – попытался он отшутиться. – Настроение вчера было не особо...

Неприятно засосало под ложечкой. Кирилл помолчал, наблюдая, как на сцену выкатывают огромный бутафорский снежный ком (приглашенному в театр для постановки «Гамлета» молодому, невесть как отхватившему престижную театральную премию режиссеру непременно хотелось, чтобы действие разворачивалось чуть ли не на Северном Полюсе), поерзал в кресле. Видимо, и вправду надо завязывать злоупотреблять алкоголем...

– Слушай, а что за чувак вчера с нами пил? – поинтересовался Кирилл у Василия.

– Какой чувак? – спросил тот, не отрывая глаз от сцены.

– В черной кофте такой, понтовой, с капюшоном. Весь в татухах, как якудза. Приятель твой! Никитой зовут. Не помнишь?

Кирилл иронично улыбнулся, предвкушая, что сейчас Васька расколется и расскажет ему все про вчерашний глупый розыгрыш. Но вместо этого Василий повернулся и глянул на него, как на умалишенного.

– Никита? – переспросил Василий. – В первый раз слышу!

Как Кирюша отсидел репетицию, одному Богу известно. Пробормотал скороговоркой текст, механически оттопал мизансцены. Отпросился у режиссера на полчаса раньше, сославшись на несуществующее недомогание, и выскользнул из театра, словно вор. Он прекрасно помнил, что павильон с лотереями работает до 21.00. Пытаясь не думать о том, что он делает, Кирилл почти бегом бросился в сторону метро.

То, что вчерашний разговор с подозрительным типом в капюшоне не был его пьяной галлюцинацией, подтверждала надпись на руке. И, пусть он окончательно спятил, он должен купить этот чертов билет! Что это – знак, интуиция, блажь, кто был этот хрен в татухах – городской сумасшедший, случайный собутыльник, ясновидящий – он решит потом, а пока надо успеть до закрытия павильона.

Подлетев на полной скорости к павильону, Кирилл увидел, что свет в нем горит, но окошко уже закрыто. Глянул на часы – еще пять минут!

– Ау! Девушка! Женщина! – раздраженно постучал он в стекло, пытаясь разглядеть, что творится внутри.

Крохотное окошко распахнулось, и на Кирилла глянула флегматичная киоскерша неопределенного возраста.

– Закрыто! – сообщила она и захлопнула окно.

Кирюша аж подскочил от такой наглости. Он снова забарабанил в стекло. Крепость не поддавалась – недовольная киоскерша, сложив на груди полные руки, наблюдала за Кириллом поверх рекламы лотерей. Наконец, она снова распахнула окошко и заявила раздраженно:

– Высадишь стекло – полицию позову!

– Продайте билетик! Один! Пожалуйста! – скороговоркой выпалил Кирилл. – Вы должны работать еще пять минут! – он сделал умоляющее лицо.

– А ты мне не указывай! – парировала продавщица, глядя на него сверху вниз, как на пятиклассника. – Не терпится разориться?

– Сегодня мне обязательно повезет! – весело заявил Кирюша. – У меня сон был... в руку...

– Тут у всех сны в руку! – проворчала киоскерша. Потом неожиданно расщедрилась, – Тебе какой?

– Вряд-ли у вас тут играют в блэк-джек, – улыбнулся Кирюша и зачем-то еще раз глянул на надпись на своей руке – для верности. – Лотерея «Шанс» есть? Почему билетик?

– «Шанс»? – прыснула киоскерша, качнув копной взбитых пергидрольных волос. – В нее отродясь никто не выигрывал! Может, «Спортлото» возьмешь? Или «Новогоднюю», уже завезли.

– Нет, – поколебавшись, ответил Кирилл. – Мне нужен «Шанс».

– «Шанс» стоит пятьдесят.

– Ого, как подорожали азартные игры! – Кирилл пошарил по карманам и нашел мятую пятидесятирублевую купюру. – Вот!

Женщина взяла деньги, пожала плечами и полезла куда-то в недра заставленного коробками киоска. Выудила разноцветный картонный короб, поставила его перед Кириллом и сказала:

– Выбирай!

Под насмешливым взором киоскерши Кирилл принялся выбирать один билет из вороха одинаковых цветастых бумажек. У него мелькнула мысль скупить все билеты разом, но подобный шаг он посчитал окончательным безумием. Кирюша хватался кончиками пальцев то за один, то за другой билет, потом, поколебавшись, зажмурился и цапнул один наобум.

– Удачи! – хмыкнула киоскерша и пропала, громыхнув щеколдой.

Кирилл остался с билетом в руках.

Стремительно темнело. Стоя возле киоска, он чувствовал себя одновременно глупо и весело. Открыть билет здесь или доехать до дома? Наконец, чтобы покончить с внезапным ребячеством, Кирюша решительно оторвал перфорированный край и развернул цветную бумажку.

В билете значилась традиционное «Сотрите защитный слой». Покопавшись в кармане в поисках мелочи, Кирилл нашел рубль, приложил билетик к стене киоска и принялся оттирать серебристое напыление. Хоть бы никто из театра не увидел, как он тут мается ерундой. Под серебряным слоем краски обнаружилась надпись, но, взглядевшись в нее, Кирилл ни черта не разобрал – свет в киоске уже погас, а до ближайшего фонаря было шагов двадцать. И, делая эти двадцать шагов, Кирюша самыми тонкими фибрами своей души вдруг ощутил, что жизнь его стремительно меняется, сворачивает в какую-то иную сторону, совершает сумасшедшую загогулину... Но верить в это он еще не смел – поэтому выставил руку под желтый глаз фонаря и глянул в бумажку.

Посередине значилось простое: "Поздравляем! Вы выиграли ДЖЕК-ПОТ".

Земля под ногами качнулась и полетела вверх тормашками.

На другой стороне улицы, никем не замеченный, высокий парень в куртке с капюшоном бросил на тротуар недокуренную сигарету и нырнул в переход.

3.

Пробуждение было тягостным – Илья уже не спал, но вылезать из постели не хотелось. Трижды выключал будильник на своем сотовом, трижды проваливался в рваную дремоту. Наконец пришла Ирочка, прижалась горячим телом, прошептала в ухо, что завтрак готов. Илья поймал ладонью приятную Ирочкину грудь и с сожалением почувствовал, что эта, еще недавно вожаденная плоть не пробуждает в нем абсолютно никаких эмоций.

Но он отпустил Ирочке пару обязательных комплиментов и скрылся от ее внимания в душе.

Там Илья задержался ровно настолько, чтобы времени осталось лишь на быстрый завтрак. Через полтора часа его уже ждали в галерее, и, делая поправку на пробки, из дома нужно было выезжать минут через двадцать.

Соблазнительная Ирочка в смешной футболке с котиками хлопотала на кухне. Илья в который раз равнодушно подумал, что ему несказанно повезло – девушка с такими модельными ногами умеет готовить сырники! Он прошлепал босиком через громадную гостиную, дважды попадавшую в глянцевые журналы за прошедший год, ткнул в кнопку на пульте, привычно включив столичный канал в ожидании новостей, машинально хлопнул по заднице свою пассиву... Действия, доведенные за последний год до автоматизма.

Подобрав полы халата, Илья уселся на высокий барный стул, взял с мраморной столешницы планшет, открыл в браузере сразу несколько новостных порталов и в очередной раз поймал себя на мысли, что все, чего ему на самом деле хочется – выйти за дверь и никогда больше не возвращаться в эту показушную благополучную чужую жизнь.

Неожиданно он в мельчайших подробностях вспомнил интерьер ванной комнаты в его давней съемной квартире: обшарпанные кафельные стены, нагромождение крючков и дешевых пластиковых подставок для мыла, тусклый плафон под потолком, дурацкую резиновую уточку, обитающую на краю облупившейся ванны... Жизнь, из которой он однажды в ужасе сбежал, словно из тюрьмы, и в которую сейчас с удовольствием вернулся бы, если бы можно было отмотать пленку собственной истории на пять лет назад.

Увы, он находится именно «здесь и сейчас» – его, застрахованная на баснословную сумму задница, прикрытая дизайнерским халатом, покоится на кожаном сиденье дизайнерской кухни, плавно переходящей в дизайнерскую гостиную, со всей этой пошлятиной, типа витрин из красного дерева вперемешку с дорогущими люстрами из горного хрусталя, странными авангардистскими скульптурами и огромными репродукциями Энди Уорхола на кирпичных, намеренно состаренных стенах. Культурная блевотина. Черт, когда-то он был в восторге от всего этого барахла!..

Бегло просмотрев разделы происшествий и не найдя ничего стоящего, Илья отложил планшет и прислушался к монотонному монологу дикторши в телевизоре. С некоторых пор он интересовался исключительно криминальными новостями и странными происшествиями, случающимися в Москве.

Пришла Ирочка, поставила перед Ильей тарелку ароматных сырников.

– Тебе со сметаной или с медом? – поинтересовалась она, эротично облизывая ложку.

– Ммм... – рассеянно протянул Илья. – Со сметаной.

Телеведущая, скуластая блондинка с большим ртом, что-то там вещала о волатильности фондового рынка. Интересно, она сама понимает смысл всех тех фраз, что ей ежедневно приходится читать с телесуфлера?

Ирочка, явно недовольная недостатком внимания, эффектным жестом откинула назад роскошные каштановые волосы (когда-то в клубе он и купился на этот жест, а теперь с неудовольствием видел его фальшивую нарочитость) и прижалась к Илье гибким телом.

– По-моему, кто-то еще не проснулся, – запустила она ладонь в разрез между полами его халата.

Почувствовав ее цепкие пальцы на собственном члене, Илья с неудовольствием подумал, что утренний секс абсолютно не входит в его планы. Но уже через пару мгновений умелая Ирочкина рука кардинально изменила ход его мыслей. Ощущая ее прикосновения, Илья вспомнил, что на это он когда-то купился тоже...

К черту! Приедет в галерею позже. Илья прижал любовницу к себе и впился в ее рот поцелуем. Ирочка привычно застонала и прикусила кончик его языка.

– ...и в завершении выпуска – о приятном. Несколько дней назад житель столицы, чье имя мы по понятным причинам не можем огласить, стал обладателем крупного выигрыша. Счастливым оказался билет лотереи «Шанс» – новоиспеченный миллионер умудрился сорвать джек-пот. До этого момента стать обладателем хоть сколько-нибудь крупной суммы в этой лотерее не посчастливилось никому...

Не веря своим ушам, Илья отстранил Ирочку и вслушался в бормотание ведущей.

– Котик!.. – обиженно произнесла Ирочка.

– Тихо! – рявкнул он и рванул на поиски пульта.

– Сумма выигрыша составила почти семьдесят миллионов рублей, – продолжала телевизионная блондинка. – И, хотя Москва – не Лас-Вегас, от всей души желаю и вам поймать свою птицу счастья! Увидимся вечером. Будьте в курсе событий!

Финальная заставка выпуска новостей оглушила Илью – только выключив телевизор, он понял, что выставил звук на максимум. Бросив пульт на столешницу, он помчался в спальню в поисках телефона.

Номер Романа смог набрать только с третьего раза – так тряслись руки. Глядя на собственное безумное отражение в дверце шкафа, Илья нетерпеливо считал гудки, и после низкого «Да?» выпалил в трубку:

– Срочно найди мне человека, выигравшего в лотерею "Шанс"!

Телевизионщиков он не любил по двум причинам. Первая – они абсолютно не разбирались в вопросах, которые пытались освещать, и второе – они даже не пытались делать вид, что им это интересно. Эти троглодиты просто кочевали с презентации на презентацию в поисках дешевых сенсаций и халявного фуршета, а он щедро предоставлял им и то, и другое. С другой стороны, он сам был такой же низкопробной фальшивкой, пытающейся подороже продать в телевизор собственное лицо, так что все были квиты. Илья поправил запонку на рукаве, мельком глянул в зеркало на свое безупречное отражение и вышел в главный зал галереи, улыбаясь, словно кинозвезда на премьере собственного фильма.

Его пиарщица Юля взмахнула ручкой как дирижерской палочкой, и по взмаху к нему немедленно потянулись журналисты.

Играл струнный квартет. Стыли на льду устрицы. Официанты ловко жонглировали бокалами, разливая «Moët&Chandon». Изюм всех щелей перло буржуйское благополучие, которое Илья намеренно культивировал в собственной галерее – попавший сюда человек должен был немедленно осознать, что находится в почти сакральном месте, где творится настоящее актуальное искусство. За гигантскими, в пол, окнами выставочного зала неслась куда-то ночная Москва – и редкие прохожие, чей путь пролегал мимо огромного здания галереи «Свирель», сворачивали шеи, внезапно увидев залитый светом куб из стекла и металла, наполненный разодетыми в пух и прах посетителями. Так люди завороченно наблюдают за экзотическими рыбками в аквариуме. Зал был до отказа набит ценителями современного искусства, ни черта в нем не понимающими, но вырядившимися как на церемонию вручения Оскара.

Илья презирал их всех, до единого – любой из гостей готов был купить на самую дешевую подделку, если ее хорошенько разрекламировать и подать в обертке концептуальности и

злостности. Грамотный пиар – и даже холсты, измазанные собачьим дерьмом, будут продаваться в самые солидные дома столицы как шедевры. У современного человека почти не осталось вкуса и собственного мнения – он привык следовать за маркетинговой наживкой, как крысы – за звуками волшебной дудочки Нильса.

Илья относительно недавно осознал второй, издевательский смысл названия собственной галереи – пять лет назад он был просто опьянен успехом и тщеславием, потому и назвал свою псевдо-художественную богадельню «Свирель». В честь самого себя, художника-авангардиста и любимца публики, Ильи Свирина.

Он отвлекся от мрачных мыслей, дабы выражение лица не выдало его истинного настроения, и снова стал улыбочным везучим засранцем, привыкшим к тому, что его рвут на части журналисты.

– Илья, сюда, пожалуйста! – восклицали наперебой фотографы, пока он позировал на фотоколле. Позади него вычурными витиеватыми буквами было выведено: «Галерея современного искусства «Свирель» – 5 лет». Рядом значились логотипы двух банков, которые сочли за честь стать спонсорами мероприятия.

Наконец ему надоело щуриться от фото-вспышек, и Илья повернулся к первой из камер.

– Ася Петренко, «Москва 24» – представилась мелкая блондинистая девица, сунув ему под нос микрофон. – Илья, для начала позвольте поздравить вас с первым приятным юбилеем. Галерея «Свирель» – это, если можно так выразиться, один из флагманов нашей культурной жизни. Вы так молоды, но уже сами много делаете для неизвестных молодых художников, устраиваете благотворительные акции, раздаете гранты... Однако ваш собственный талант всегда вызывал неоднозначную реакцию. Одни считают вас гением, другие – шарлатаном, но все критики сходятся во мнении, что вы – настоящее явление современной визуальной культуры. Российский Сальвадор Дали! А чем вы объясняете популярность собственного творчества? – бодро протараторила корреспондентка.

Половину своей тирады эта девица слизала с официального пресс-релиза на сайте его галереи. Илья усмехнулся.

– Я продал душу дьяволу! – сказал он весело в камеру.

Корреспондентка запнулась, а потом расхохоталась.

– Я слышана о вашем чувстве юмора! А если серьезно?

Почему люди отказываются верить в правду?

– Если серьезно, то моя популярность в том, что я с легкостью отказываюсь от всего того базиса, который успело накопить человечество в сфере изобразительного искусства. К чему заново смешивать краски и создавать на холстах пейзажи, натюрморты или портреты? Их уже и так предостаточно! Разве вам нужна вторая Джоконда или «Девятый вал»? Давайте создавать что-то новое, то, что действует на ваше подсознание сразу, без шаблонных конструкций и правильно прорисованных деталей. Давайте экспериментировать и творить! – Илья воодушевленно посмотрел куда-то вдаль, поверх голов, и едва не рассмеялся – его неизменно веселила вся та чушь, которую он традиционно нес на интервью. Затем он наклонился к журналистке и поинтересовался: – Вот вас, к примеру, зацепил мой триптих «Железо, мех, пенопласт»?

Блондиночка открыла рот, но он уже вел ее сквозь толпу к ближайшему полотну. Несколько операторов бросилось вдогонку. Илья остановился возле громадного, три на четыре, белого холста без рамы, по всей поверхности которого были вбиты ржавые гнутые гвозди. Журналистка, притормозившая рядом, задрала голову, уставилась на полотно.

– Что вы чувствуете? – поинтересовался Илья. Толпа вокруг навострила уши.

– Ну... – в душе журналистки явно боролись здравый смысл и желание прослыть культурно-развитой девушкой. – Удивление... – сказала она несмело.

– А еще что? – подбодрил ее Илья.

– Недоумение... – промямлила корреспондентка.

– Шикарно! Дальше!

– Эмм... Илья, думаю, вы лучше других можете рассказать о своей работе. И зрителям нашего телеканала будет интересно услышать рассказ автора! – выкрутилась девица.

– Все просто! – сказал Илья. – Человеческая культура – это каркас. Можно принимать за чистую монету все, что вам преподносят с рождения в детских садах, школах, ВУЗах, в книгах и газетах... А можно привнести что-то свое. Именно для этого я и создал этот аналог культурного, слегка заржавевшего каркаса, на который вы имеете полное право нанизать собственные смыслы.

Состроив серьезную физиономию, корреспондентка понимающе закивала. Гости вокруг также сделали проникновенные лица.

– Прелесть моих работ, – заливался соловьем Илья, – в том, что каждый покупатель – конечно, уже после того, как оплатит приобретение – сможет привнести в мою работу что-то свое. В голландской Галерее искусств, для которой я в прошлом году изготовил копию этого триптиха, каждую неделю вывешивают на гвозди какие-то новые детали. Потерянные кем-то ключи от квартир. Старые кеды. Истертые перчатки. Магазиновые чеки. Кстати, работа «Мех», сердцевина триптиха, такая же гуттаперчевая, как «Железо» и «Пенопласт».

Илья подошел к висящему рядом огромному полотну, покрытому белым искусственным мехом. Поперек меховой равнины протянулась жирная полоса темно-красной краски, засохшей бурыми кровавыми сгустками.

– Приобретая эту работу, покупатель сам выбирает цвет краски, которую я выливаю на мех...

– И что означает красная? – осторожно поинтересовалась корреспондентка.

Илья выдержал театральную паузу, снисходительно усмехнулся.

– Ну, разумеется, насилие! – объяснил он девице с микрофоном.

– Но вы ведь понимаете, что это – профанация? – произнес за его спиной задиристый голос.

Илья обернулся – обладателем голоса был сутулый парень в дешевых джинсах, дурацком мешковатом вельветовом пиджаке и винтажных очках в толстой пластмассовой оправе. На вид этот персонаж был всего на пару лет младше Ильи – и наверняка прилагал титанические усилия, чтобы прослыть в сети культурно-подкованным блогером.

– Таковую хрень может соорудить любой пятиклассник! – глумливо заявил очкарик. На его шее болтался бейдж какого-то интернет-портала. – Вбить в доску гвозди, налить краски на дешевое меховое покрытие, наклеить на холст куски пенопласта – разве это искусство?

– Вы знаете, а я ведь с вами согласен! – улыбнулся Илья. – Любой пятиклассник, такой, как вы, к примеру, может вбить в доску гвозди. Но только *мои* гвозди получили Гран-при Международного конкурса концептуального искусства в Мельбурне.

В конце концов, на то оно и современное искусство, чтобы в любой момент можно было выставить ничего в нем не понимающего зрителя идиотом.

Очкарик конфузливо поджал губы, а зрители вокруг разразились аплодисментами. Илья подмигнул своему агенту, маячившему в зале (сто процентов, этот пронырливый хрен уже успел втюхать несколько его работ жаждущим покупателям, хотя вечер только начался), выхватил из толпы невероятно красивую Ирочку в тесном бежевом платье (ей, разумеется, было чертовски приятно позировать прессе) и, приобняв ее за талию, снова улыбнулся, словно голливудская знаменитость, получившая третий Оскар подряд. Уж что-что, а оправдывать собственную бездарность громкими фразами Илья научился блестяще!

Еще где-то с час он строил из себя мессию от искусства. Улыбался нужным людям, нес культурную чушь в объективы, закусьивал коньяк икрой... Выложил в свой аккаунт фотографию себя, любимого, в компании замминистра по культуре. Получил как минимум три заказа на картины, триптихи и инсталляции и одно предложение от какого-то благотворительного

фонда стать куратором конкурса молодых талантов. Мыслями был далеко – глубоко внутри настоящий Илья жил ожиданием известий. И когда Роман незаметной тенью прошмыгнул по залу и тронул его за локоть, Илья сразу понял – у него есть для него информация.

Умолкнув посреди беседы, он извинился, оставил Ирочку развлекать собеседников (имена и должности которых он даже не потрудился запомнить) и вышел в пустынный холл. Роман в своем неизменном сером дешевом костюме уже ждал его у колонны. Илья выхватил из его рук сложенный пополам лист бумаги. С листа, распечатанного на цветном принтере, глянул на Илью молодой смазливый тип с высокими скулами и роскошной шевелюрой. Под фотографией от руки было помечено: Кирилл Иваненко. Театр Современной Драмы. Занят сегодня в спектакле "Буря".

– Актер, значит, – пробормотал Илья. Он никогда не задавал вопросов, как именно Роман достает нужную ему информацию. Он просто платил – информация всегда была верной. – В котором часу обычно заканчивается второй акт?

Не дожидаясь ответа, Илья глянул на часы – девять тридцать. Если спектакль начался в семь, времени, чтобы перехватить Кирилла после спектакля, у него в обрез.

Кивнув Роману, Илья рванул к выходу. На ходу, доставая ключи от автомобиля, набрал пиарщице короткое смс: «Прикрой меня, срочно нужно уехать!». В два прыжка домчал до машины, на всякий случай открыл багажник, проверил – нужный ему черный саквояж из кожи был на месте. Сел за руль, пытаясь унять дрожь в руках. Сделал глубокий вдох и выехал в ночь.

Еще через сорок минут он уже рвал на себя двери служебного входа театра. В желтом свете низких ламп покоились ряды пустых вешалок в гардеробе, негромко жужжал телевизор, вяли чьи-то цветы в вазе на тумбе. Пожилая дежурная, глянув на Илью, сообщила, что спектакль закончился и актеры уже разошлись. Илья едва не хватил от досады кулаком по ветхой деревянной перегородке, отделяющей гардероб от холла.

– Мне Кирилл нужен, Иваненко! – сказал он нетерпеливо.

– Ушел, говорю же. Все ушли! – развела руками дежурная.

Илья разочарованно крутанулся вокруг себя, не понимая, куда податься. Вдруг из полутемного коридора появилась парочка – высокий патлатый парень с поистине выдающимся кадыком и худощавая, сильно накрашенная скуластая блондинка, облаченная в дырявые джинсы и высокие замшевые сапоги.

– А Кирилла нет! – сообщил парень, застегивая на ходу куртку.

– Как – нет? – выдохнул Илья.

– Все, уволился! Сегодня последний спектакль отыграл.

Блондинка, остановившись, с интересом пялилась на Илью.

– Он мне очень нужен! – сказал тот. – Где его можно найти?

– В лесу! – сообщила развязная блонда.

– В каком лесу? – обалдел Илья.

– Закусочная «Лес» – знаете такую? На Тверской, – пояснила девица. – Он там сегодня проставляется, за увольнение. Кучу бабла в лотерею выиграл – может больше не работать!

Ее кудрявый приятель хохотнул, протянул Илье руку.

– Свезло чуваку, да? Я Василий, кстати. А вы не из налоговой, нет?

– Почему из налоговой? – пожал протянутую руку Илья.

– Ну, мало ли – может, Кирюха налоги с выигрыша не заплатил!

– Мы, кстати, в «Лес», – хлопнула наклеенными ресницами блондинка, направляясь к выходу. – Хотите с нами?

4.

Жизнь Кирилла Иваненко, новоиспеченного миллионера и вообще везунчика, разделась надвое в тот самый момент, когда он разглядел под фонарем надпись на лотерейном билете. С тех пор, вот уже почти месяц, существовало двое Кириллов. Один – молодой актер, неожиданно для всех ухвативший судьбу за хвост на зависть друзьям и знакомым и мгновенно ставший притчей во языцех в узких театральных кругах. Другой – Кирилл, с недоверием и беспокойством наблюдающий за происходящим со стороны.

Первый Кирилл впервые в жизни чувствовал себя на своем месте. Он явственно понимал, что выиграл миллион баксов как компенсацию за свою вечную нищету, неустроенность, постоянное нахождение на вторых ролях – и в театре, и в жизни, – за муки рефлексии и за все те нереализованные надежды, которые годами выжигали его внутренности каленым железом. Он был достоин этих денег! И не только этих – он был достоин и двадцати миллионов долларов. Поэтому к выигрышу относился как к чему-то, само собой разумеющемуся. Первым порывом было, конечно, скрыть, утаить новость о миллионе, получить деньги по-тихому и также незаметно уволиться. Но голос тщеславия был подобен Иерихонской трубе – Кирюше мучительно хотелось утереть всем нос. И он не смог сдержаться, он с наслаждением уел всех одним махом.

На следующий же день (он так и не смог уснуть той ночью, так и просидел на кровати, сжимая в руках крохотную полоску бумаги), после звонка по номеру, указанному на билете, Кирилл узнал, что выигрыш реален и деньги уже ждут его. Приятный женский голос в трубке сообщил, что все, что нужно Кириллу – это приехать в какой-то офис, предъявить выигрышный билет и паспорт, подписать какие-то бумаги, дать добро на открытие счета в банке и ждать перевода денег. В течение десяти дней. «В каком банке вы бы хотели открыть счет?» – поинтересовалась невидимая собеседница. «В самом надежном, на ваше усмотрение!» – весело сообщил Кирилл, еще не вполне веря в свершившееся чудо.

К его удивлению выяснилось, что по правилам именно этой лотереи налоги с выигрыша платит организатор, компания «Фортуна Трейдинг». То ли ООО, то ли ЗАО, имевшая отношение то ли к благотворительности, то ли к торговле тракторными деталями... Кирилл так и не нашел точной информации в интернете. Выходило, что Кирилл получит ровно миллион, без каких-либо дополнительных затрат, да еще и с какой-то страховкой от организатора. Не переставая удивляться тому, как стремительно развиваются события, уже через пару часов Кирилл подписал нужные бумаги, предъявил билет, дал согласие на получение банковской карты «Visa Gold» для того, чтобы ему было удобнее снимать наличные в любых банкоматах мира. Получил тисненый сертификат, подтверждающий вручение выигрыша. Пожал пару рук и улыбнулся в объектив камеры – секретарь «Фортуны Трейдинг», высокая полная брюнетка, которая и говорила утром с Кириллом по телефону, сделав снимок, сообщила, что этот кадр им нужен для внутренней отчетности.

Словно в тумане, вернулся домой. Позвонил в театр, сообщив, что заболел и на репетицию не выйдет. И, как был, в одежде, провалился в глухой глубокий сон.

Следующие две недели стали прекрасной, удивительной сказкой! Кирюша впервые почувствовал себя свободным от каких-либо обязательств, условностей, от необходимости соблюдать субординацию, дружить с нужными людьми и улыбаться и вовсе ненавистным персонажам. Он с наслаждением нахамил Зеленскому в курилке, в антракте, назвав его игру в последнем фильме низкопробной самодеятельностью и с удовольствием наблюдая, как у стоящих рядом коллег вытягиваются лица. Отказался задержаться после спектакля в гримерке заслуженной артистки К., сообщив, что ему больше не прикольно развлекать ее стареющую целлюлитную задницу. На ближайшей репетиции сообщил помрежу, что не будет играть в «Гамлете» Розенкранца – просто потому, что не желает тратить собственный талант на тре-

тьестепенные роли, да и с концепцией режиссера-постановщика категорически не согласен. Позвонил знакомому агенту по актерам и озадачил его поиском достойной роли в полном метре, пообещав двойные проценты. Глядя в удивленные Риткины глаза, вернул ей давний долг. Подарил Антонине Всеволодовне чудесную лошадку-качалку, в которую счастливая девчонка вцепилась как клещ. Отдал насовсем Василию свою гитару, которую тот уже давненько выпрашивал у него на время. И после справедливого вопроса друга, не свихнулся ли он, Кирилл сообщил, что да, свихнулся и скоро все объяснит.

А в ближайший понедельник, после того как рано утром ему в квартиру с курьером доставили банковскую карту в золотом конверте, а из «Фортуны Трейдинг» сообщили, что все, что ему осталось – это активировать карту в ближайшем банкомате, и можно начинать тратить деньги, Кирилл приехал в театр и уволился. Просто зашел к худруку в кабинет и без предисловий положил на стол заявление. На справедливый вопрос, отчего это он решил так неожиданно оставить родную труппу, ответил, что устал от профессии, от репертуара, от театра... Да и вообще, недавно он выиграл в лотерею миллион долларов, и теперь может позволить себе слегка расслабиться.

Когда он вышел из кабинета, чувствуя, что его еще потряхивает от волнения, слава, словно волна цунами, уже неслась по коридору, обгоняя его. Он понял, что у стен есть не только уши, но и громкоговорители. Потому что все – все! – уже знали о его выигрыше.

У собравшихся в театральном буфете были сумасшедшие лица. Сначала не верили, приняв все за розыгрыш, потом, по мере того как Кирилл выкладывал подробности, все больше и больше принимали реальность случившегося. Потом Стасик крикнул: «Качать везунчика!», и все долго подбрасывали Кириюшу к потолку. Жанна хохотала, как безумная, Стасик тут же заказал традиционные «триста беленькой», чтобы обмыть. Василий все хлопал Кирилла по спине, повторяя: «Круто, чувак! Круто!». Кирилл и сам неожиданно поддался этому всеобщему обалделому веселью, и пообещал всем непременно по-королевски проставиться по поводу увольнения, и тоже сам хохотал, удивляясь, как это его угораздило вытащить счастливый билет, и принимал советы со всех сторон, как именно ему стоит распорядиться деньгами. Но, глядя в веселые возбужденные лица коллег, чувствуя дружеское похлопывание по плечу, проникнувшись общим энтузиазмом, он буквально кожей ощущал острую, мучительную зависть, которую испытывали окружающие. Словно дурной, едва различимый запах, зависть висела в воздухе.

Они были рады за него, искренне – и так же искренне мечтали оказаться на его месте. «Почему он, а не я?» – читал он в глазах друзей. И отворачивался, закусывая водку квелым буфетным салатом. Он чувствовал, как невидимый миллион, словно трещина на тающей льдине, уже незримо отделяет его от всех, кого он знал и с кем был близок до выигрыша...

К черту! Пусть завидуют и скрежещут зубами! Да, он особенный, он – Кирилл Иваненко, не чета прочим, и это его судьба поцеловала в темечко!

Тот, другой Кирилл, стоял в стороне, в дверях, не участвуя в импровизированном банкете. Темная, необъяснимая тоска копошилась в его душе. Он был уверен, что дело нечисто. В самом буквальном смысле этого слова.

Надпись «Шанс» исчезла с ладони той же ночью, после покупки билета, бесследно, словно ее и не существовало никогда. И следующим утром Кирилл запретил себе думать о плохом, твердо заявив собственному отражению в зеркале, что ему просто фортануло. Он везунчик! Человек, не профукавший свой шанс, верно прочитавший знаки, правильно истолковавший пьяный бред случайного собутыльника. Ну, в самом деле, не явился же ему тогда, в баре, дьявол в образе парня в капюшоне?

И вообще, все это чушь, никаких чертей с рогами и сковородками не бывает, это религиозные выдумки и детские страшилки. И образ Мефистофеля-искусителя просто распиарил Гете, Кирилл даже помнил наизусть часть дьявольского монолога, который учил для поступления в ВУЗ: «Часть той силы, что без числа творит добро, всегда желая зла...». И что-то

там дальше, типа «я дух, всегда привыкший отрицать...», бла-бла... От вызубренного когда-то текста в памяти остались обрывки фраз, но главное, что все это – и текст, и описанная в нем нечисть, и вообще вся эта библейская ерунда про загробный мир и наказание за грехи – плод фантазии рода человеческого! Вселенная проста и подчиняется объективным законам физики, химии и математики. И товарно-денежного оборота.

И вообще, разве он сделал что-то дурное? Он ничего не украл, никого не подставил и, тем более, не убил. Он всю жизнь пахал, как проклятый, в надежде на светлое будущее. И вот, оно, будущее, наступило! Деньги достались ему сами собой – в смысле, Кирилл же не подписывал никаких договоров кровью, как доктор Фауст!..

Но внутренний голос, который, как уже давно понял Кирюша, был куда умнее его самого, не поддавался на уговоры здравого смысла – он, не переставая, нашептывал Кирюше, что тот, кажется, вляпался в такую страшную историю, по сравнению с которой вся самая мрачная классика покажется детским утренником. И самое правильное, что он может сейчас сделать – забыть про эти чертовы деньги! Выбросить карточку «Visa Gold» в ближайшую урну, или обналечить деньги и отдать в детский дом. А лучше – и вовсе не обналечивать, чтобы не прикасаться к проклятым купюрам: просто переслать карту и пин-код от нее в первый попавшийся благотворительный фонд.

Потому что, если он и правда, неспроста получил эти деньги, до тех пор, пока он не начнет их тратить, все будет по-старому. Уныло, предсказуемо, но сравнительно благополучно. Что будет, когда он вскроет ящик Пандоры в виде банковской карточки с золотым тиснением, Кирюша не смел даже и представлять. Ведь чем-то он *должен* будет заплатить за неслучайно сложившиеся обстоятельства!..

Нужно было просто не брать деньги.

Но он не мог НЕ взять деньги!

Вы бы не взяли?..

Кирилл одновременно находился на вершине триумфа и в двух шагах от безумия. Чтобы окончательно не съехать с катушек, он вторую неделю пил, не просыхая. В нетрезвом виде зачем-то заскочил в первую попавшуюся на пути из театра часовенку, намереваясь поставить свечку самому себе, за здравие. На всякий случай. Уже на пороге отругал себя за идиотизм и мракобесие, перекрестился на купола, бросил отирающейся у забора бабке-попрошайке пятьдесят рублей и ушел, не оглядываясь. Попытка настроиться на позитивный лад – но тоска не проходила, подступала к горлу приступами тошноты. Облетавшие на ветру осенние деревья, казалось, грозили ему вслед своими корявыми пальцами, в номерах проезжающих мимо авто то и дело мерещились глумливые извивающиеся шестерки, а попадавшиеся в метро или на улице люди с татуировками вызвали приступы паники.

– Кира, так ты что с деньгами-то будешь делать? – спросил нетрезво Стасик.

Кирилл вышел из ступора и обнаружил себя сидящим в банкетном зале ресторана «Лес». Стол ломился от жратвы, труппа театра была в полном сборе (кроме, разумеется, Зеленского и парочки его прихвостней), а в руке самого Кирилла находилась рюмка коньяку.

Кирюша моргнул, и мгновенно стал тем, первым Кириллом, насмешливым баловнем судьбы.

– Долги раздам! – ожидаемо скаламбурил виновник торжества, глотнул коньяку и закусил куском грамотно прожаренного мяса. Все-таки шеф-повар в «Лесу» – мастер по части шашлыка!

– Так у тебя ж тогда ни шиша не останется! – крикнул кто-то с противоположной стороны стола.

Компания покатила со смеху.

– Ой, Кирюша, а ты ж нам, поди, уже завтра и руки-то не подашь! – с наигранной печалью в голосе продекларировала Олеся. – У миллионов память короткая!

– Не, Лесь, тебя разве забудешь? – обрисовал в воздухе на уровне своей груди два объемных полукруга Кирилл.

Компания снова весело захрюкала.

Со своего места поднялся помреж, которого за глаза называли Бородой, из-за буйной рыжеватой растительности на подбородке, странно контрастирующей с абсолютно лысой головой. Он постучал вилкой по рюмке и зычно прокашлялся.

– Кирилл! – завел Борода, большой любитель витиеватых тостов. – Мы тебя отпускаем с тяжелым сердцем!

Окружающие сочувственно закивали.

«Как же! – подумал Кирилл – с тяжелым! Уже поделили мои вещи из гримерки и раздергали репертуар».

– Ты, конечно, легенда! Мы тебе, если быть честными, завидуем. Белой завистью! – продолжил Борода.

– И черной! – глумливо добавил Стасик.

– В общем, ты теперь давай, оторвись за нас, за всех! – продолжил напутствие Борода. – Машину себе купи, квартиру, или дом...

– В Испании! – посоветовала Олеся. – Там после кризиса такие хоромы за копейки можно отхватить!

– Советчиков тебе сейчас, конечно, хватает, – с иронией добавил Борода. – Но, главное, будь мужиком. Не проси эти бабки. Понял? Мы же люди творческие, как пришло, так и ушло... Надеюсь, это не твой случай. Желаю тебе потратить деньги с умом и с удовольствием!

Коллеги по театру, теперь уже бывшие, в едином порыве взметнули в воздух рюмки и бокалы. Жанна, сделав вид, будто смахивает слезу, подняла вверх большой палец. Василий, расчувствовавшись, полез обниматься. Кирюша остро чувствовал, как уплывает в прошлое его привычная театральная жизнь, и наступает какая-то новая, неизвестная, но прекрасная эпоха. На всякий случай он дотронулся рукой до кармана пиджака, проверив, на месте ли кошелек, в недрах которого обреталась легендарная «Visa Gold». И усмехнулся. Чего он расклеился? Да пусть даже сам дьявол подкинул ему этот лотерейный билет. Подумаешь! Кирюша, если надо, и дьявола возьмет за рога.

– Люди! Я вас люблю! – весело заявил Кирюша и пошел с рюмкой по кругу.

Вот она, жизнь! В кулаке! В кармане!

Еще минут пятнадцать все по очереди клялись Кирюше в вечной любви и давали советы по поводу дальнейшей жизни. Тот слушал вполуха, пропуская совсем уж откровенную лесть, но исправно кивал, чокался, обнимался, хохмил, доливал себе алкоголя и снова чокался, кивал и обнимался. Наконец, завершив круг почета, совершенно захмелел и подал знак официанту.

– Дружище, – Кирюша по-хозяйски окинул взглядом стол, –образи-ка нам еще водки, два по ноль пять, и коньячку. Пару бутылок.

И нетвердой походкой вышел в туалет.

В туалете долго не мог справиться с ширинкой. Наконец одолел джинсы, оперся одной рукой о стену и следующую минуту, насвистывая, сосредоточенно пытался попасть струей по крохотному футбольному мячу, чтобы загнать его в крохотные ворота на дне писсуара. Ныне каждое второе заведение берет за правило устанавливать в мужских туалетах это нехитрое развлечение – туалетный футбол. Открылась дверь, на мгновение впусив в кафельную тишину гомон переполненного ресторана, и в соседний писсуар пристроился какой-то парень в темной куртке. Рассеянно глянув на соседа, Кирилл хотел было отвернуться и вдруг остолбенел, не в силах оторвать взгляда от рук вошедшего.

Крупные ладони парня в темной куртке с капюшоном были покрыты витиеватыми татуировками.

Череп и розы.

Кирилл поперхнулся собственным свистом и мгновенно вспотел. Парень у соседнего писсуара, кажется, не обращал на него никакого внимания. Непослушными пальцами Кирилл принялся лихорадочно застегивать молнию на джинсах. В горле колотилось взбесившееся сердце, в глазах потемнело. ОН нашел его!

Отчаянно пытаясь не потерять сознание от ужаса, Кирилл, наконец, совладал с ширинкой и на негнущихся ногах попятился к раковинам. Парень с татуировками легким движением затянул пояс на своих шароварах и обернулся.

– Здорово! – произнес Никита весело. – Как жизнь?

Голоса не было. Кирилл кивнул, выдавив жалкую улыбку.

Никита подошел к раковинам и принялся не спеша мыть руки.

– Слышал, ты из театра уволился? – поинтересовался он у вжавшегося в стену Кирюши.

Тот напряг непослушные голосовые связки и выдавил сиплое:

– Ага.

– А чего так?

– В лотерею выиграл, – сообщил Кирилл. – Ты, наверняка, в курсе.

– Типа того, – выключив воду, Никита сунул свои красочные руки под сушилку.

Шумел старенький агрегат. Мигала под потолком лампа. Кирилла трясло от ужаса. Нужно было что-то предпринять, возможно, рвануть к дверям и выбежать вон – но Кирилл не мог сдвинуться с места. Он понимал, что парень с татуировками чувствует его страх и, кажется, получает от этого удовольствие.

– Я знаю, кто ты, – сказал Кирилл твердо.

Никита выключил сушилку и вскинул на него удивленные глаза.

– Я теперь тебе душу отдать должен, да? – мрачно поинтересовался Кирюша.

Парень в капюшоне вдруг неожиданно расхохотался.

– Душу? – переспросил он. – Ну, ты даешь!

Затем вдруг посерьезнел и уточнил:

– Ты мне талант должен. А с душой своей... сам разбирайся.

Повисла пауза.

– То есть... душа тебе не нужна? – удивился Кирюша.

– Не, чувак! – сообщил собеседник. – Этого добра у нас навалом!

Кирилл во все глаза рассматривал Никиту... или как его там зовут... Обычный парень в модном прикиде. Отражается в зеркалах. Справляет нужду. Ни огня, ни серы, ни рогов...

В душе шевельнулась вялая надежды на то, что происходящее – все-таки глупый розыгрыш. Что Васька и его насквозь протатуированный кореш продолжают валять дурака, а он сам себе напридумывал всякую чертовщину.

Но Никита, несмотря на всю свою схожесть с человеком, человеком явно не был.

Он просто стоял в паре шагов от Кирюши, спокойно сложив на груди руки – а на того, одна за другой, накатывали волны парализующего ужаса. В ушах снова зазвенело, как тогда, в их первую встречу, и Кирюше на секунду показалось, что Демон запустил липкое невидимое щупальце к нему в голову и копошится в его мыслях.

Кирилл почувствовал себя ребенком, который однажды обнаружил, что под его кроватью действительно живут чудовища. Отчаянно хотелось проснуться.

– Короче, ты мне деньги, я тебе талант... – уточнил он, чтобы хоть как-то прервать затянувшееся молчание. – А... зачем он тебе?

– А тебе зачем? – спросил Никита.

Кирилл открыл было рот, но не нашелся, что ответить.

– А если я откажусь? – поинтересовался он.

– Будешь идиотом! – сообщил парень в капюшоне и полез в карман своих широких штанов.

Кирюша, готовый к любым ужасам, вздрогнул – но из кармана Никита извлек всего лишь старый измятый блокнот.

– Договор подписываем? – поинтересовался он, доставая вслед за блокнотом дешевую пластмассовую ручку с изгрызенным колпачком. – Свою часть сделки я уже выполнил.

Кирилл, который к этому моменту уже успел отдышаться, лихорадочно прикидывал, что к чему. Итак, этот... это исчадие ада действительно собирается купить у него талант, как и обещал. О душе речи не идет. Это радует. Однако сути сделки Кирилл не улавливал. Зачем ему талант? И... как технически его можно продать?

Впрочем, даже не это было главным – главным сейчас было осознание того, что Бог все-таки есть! Ведь, если есть дьявол, значит, есть и Бог? Разумеется, круто, что Он есть, потому что Бог добрый, всех любит, и без Его воли и волос не упадет с головы человека. Или как там, в Писании?.. Вот только теперь, когда так просто и окончательно расставились точки над *i*, Кирюша не мог определиться, радует его существование Бога или пугает. Потому что такой расклад был явно не в Кирюшину пользу! Бог, он же, типа, за праведную жизнь. А все Кирюшину существование, с его вечной суетой, с глупым блядством, мелкими обманами, чревоугодием, гневом и тщеславием явно не тянуло на житие святых. Такие грехи за один раз не отмолишь – а уходить в монастырь в ближайшее время Кирилл не собирался. В общем, он при любом раскладе попадает в Ад, даже не успев поставить подпись под дьявольским договором.

Кирюша вдруг ощутил острый приступ жалости к самому себе и зажмурился. Где-то внизу, под ногами, невидимая, но неизбежная, разверзлась Геенна Огненная. Завыли в голове Иерихонские трубы, забарабанили черти лопатами в свои раскаленные котлы, ослабившись в ожидании свежей человечинки, и страшный Люцифер, по версии Данте, имеющий офис на цокольном этаже адского здания, разинул кровавую пасть. Ухватившись за сушилку, Кирилл балансировал на краю собственной духовной гибели.

И гибнуть просто так, задешево, он не собирался! Понимая, что назад из адского пламени дороги нет, он выложил свой последний козырь.

– Слушай, – собравшись с духом, сказал Никите Кирюша, – если уж я тут Божьим даром торгую, давай еще пару пунктиков в договор впишем!

Парень в капюшоне удивленно поднял бровь. Кирилл продолжил:

– Ты пойми, чувак, если уж я с вашей конторой сделку заключаю, миллионом баксов тут не обойдешься! У вас же нет лимита в средствах?

«Сейчас он меня испепелит, и дело с концом!», подумал Кирилл. Но Никита неожиданно расхохотался.

– Люди так предсказуемы! Только что едва в штаны со страху не наделал, а через минуту уже торгуется! Чего хочешь? Еще миллион? У Бондарчука сняться?

– Пфф! – фыркнул Кирилл. – Бери выше! У Кэмерона! – он вдруг сам не поверил в такую возможность, и переспросил с азартом, – А, правда, у Кэмерона можно?

– Губа не дура, – ухмыльнулся Никита. – Вот только у Кэмерона сняться много желающих. Ждать будешь?

Ждать Кирилл категорически не хотел.

– Ах, черт, – взъерошил он свою шевелюру. – Ну, давай тогда, что ли, у Бондарчука. И еще у каких-нибудь модных режиссеров. Кто там у нас сейчас на волне? Фон Триер, Аронофски... Пометь – обязательно роли первого плана. Это принципиально. Только... как я играть-то буду, без таланта?

Кирилл задумался, а потом вдруг вспомнил про Зеленского.

– Так сейчас же все так играют! – весело воскликнул он. – И давай сюда до кучи какую-нибудь премию! В жопу Оскар, хочу премию Каннского кинофестиваля.

Никита стремительно строчил что-то в своем блокноте.

– Нет, серьезно, ты вообще все можешь? – глядя на него, обалдел Кирюша.

Тот хмыкнул, закончил писать и вдруг заявил:

– Если это все, прежде чем подписать договор, я обязан уведомить тебя о двух обязательных условиях!

«Начинается!», подумал Кирюша, скривившись. Рано он обрадовался, решив, что так легко отделался от посланника ада, выторговав себе практически за бесценок кучу ништяков.

– Ничего сложного! – уловив его настроение, продолжил Никита. – Первое – никому ни при каких условиях ты не должен рассказывать о том, что продал мне талант. Иначе потеряешь все, что указано в договоре, – он помахал в воздухе блокнотом, – а таланта обратно не получишь...

Кирилл кивнул – что же он, идиот, рассказывать всем, что только что, в туалете столичного кабака, продал талант дьяволу? Главное, спяну не сболтнуть лишнего...

– А второе? – поинтересовался Кирюша.

– Второе... – нараспев произнес парень в капюшоне и сделал паузу. – Как ты понимаешь, нельзя просто так отказаться от Божьего дара. Вселенная попытается тебе отомстить...

– Чего? – вытаращил глаза Кирилл.

– Не удивляйся, если однажды с тобой приключится что-то нехорошее.

Чувствуя, как в голове от натуги зашуршали шестеренки, Кирилл пытался понять, к чему клонит собеседник.

– В смысле, я тут сейчас себе, типа, карму попортил, и у меня потом какая-то жопа в жизни случится? – догадался он.

– Жопа! – согласился Никита. – Именно! Природа постоянно стремится к энергетической компенсации.

«А я тебе говорил! – шепнул внутренний голос. – Вляпался в дерьмо по самые помидоры!».

– И какой же пипец меня ждет? – поинтересовался Кирилл намеренно бодро, несмотря на холодок по спине.

– Всякое бывает: преждевременный инфаркт, автомобильная авария с летальным исходом, перелом ноги, шизофрения... – Никита с каким-то изощренным удовольствием смаковал подробности. – Неприятность может случиться с кем-то из твоих близких. Пожар, пьяная драка с увечьями, лейкоз... А может и вовсе не случиться – некоторые проскакивали!..

– Понял, понял! – поморщился Кирилл. – Короче, Вселенная внесла меня в черный список. Можно подумать, до этого я у нее ходил в везунчиках...

Облокотившись о стену, Кирилл задумался. У сделки было столько же плюсов, сколько и минусов. Сегодня он может получить роль в блокбастере, а завтра его разобьет паралич. Веселенькое дело! С другой стороны, если глянуть на ежедневную статистику автомобильных аварий, бытовых убийств, травм, авиакатастроф, пожаров и кораблекрушений, станет ясно, что человечество уже давно и бесповоротно попало во вселенский черный список. В полном составе.

– По фиг! – махнул рукой Кирилл. – Я согласен. Перелом и шизофрения лечатся, а от летального исхода никто не застрахован.

В этот момент дверь туалета с грохотом распахнулась, и на пороге появилась высокая фигура в дорогом костюме.

Кирилл и Никита разом обернулись и уставились на распятие, которое держал в руке пришелец. И Кирилл успел подумать, что уж больно знакомое у этого странного типа лицо.

– Стоять! – проорал Илья первое, что пришло в голову. – Стоять!

Он закрыл за собой дверь и привалился к ней спиной.

Он думал, что готов к встрече со Скупщиком. Он так много раз представлял ее, так скрупулезно собирал малейшую информацию, которая могла помочь ему напасть на след Демона

в Москве, так тщательно готовился... Отмечал на карте города его возможные появления, словно параноик, вслушивался в криминальные сводки... Но сейчас, увидев темную фигуру в капюшоне, почувствовал, что его словно оглушили. Распятие в руке тряслось и подпрыгивало. Собравшись с духом, Илья сделал пару шагов в сторону раковин, следя за тем, чтобы тяжелый крест оставался между ним и существом в капюшоне.

– Ты еще ничего не подписывал? – поинтересовался Илья у третьего действующего лица этой странной сцены.

Кирилл обалдело посмотрел на него, затем глянул на Никиту.

– Вообще-то здесь занято! – весело сообщил тот и уставился на Илью с интересом.

– Вали отсюда! – сказал Илья Кириллу. – Сейчас же!

Илья приблизился к Скупщику еще на пару шагов и произнес громко и уверенно:

– Именем Господа, приказываю – подчинись мне!

Илью трясло от ужаса, возбуждения и ощущения абсурдности происходящего. Он абсолютно не представлял, что именно следует говорить демонам. Просто надеялся на интуицию, самообладание и освященное в церкви распятие. Как минимум, третье не должно было подвести.

Чувствуя, что назревает какая-то inferнальная заваруха, Кирюша шарахнулся в угол. Скупщик, не спускающий с Ильи глаз, вдруг скривился и сделал шаг назад. Работает! Обрадованный Илья ухватился за распятие двумя руками и продолжил наступление.

– Отче наш, иже еси на небеси... – начал он вслух.

Отвернув лицо от распятия, парень в капюшоне продолжал пятиться от Ильи, но тот шагал следом.

– Да святится имя Твое...

Скупщик ускорился.

– Да придет царствие Твое...

Илья продолжал теснить Демона к дальней стене.

Кирюша из своего угла наблюдал, как Никита и незнакомый парень со здоровенным крестом в руке кружат по туалету, и не мог поверить своим глазам! Неужели у этого доморощенного экзорциста есть власть над дьявольским отродьем?

Туалет кончился. Припертый к стене, Скупщик прикрылся от распятия рукой. Илья, внутренне торжествуя, хотел продолжить читать молитву, но Демон вдруг глянул на него из-под капюшона голубым глазом и произнес насмешливо:

– Да, да, да будет воля Твоя, яко на небе, так и на земле.

Илья остолбенел.

– Не поминай имя Господа всуе! – гаркнул Скупщик и с легкостью забрал из рук Ильи распятие.

Он посмотрел на крест и произнес с легким разочарованием:

– Дешевое серебро. Я тебе что, вампир? А святая вода у тебя есть? Или осиновые колья?

– Есть! – выдохнул с ужасом Илья. – Вода!

Тренированным движением он выхватил из кармана пузырек со святой водой и, молниеносно открутив крышку, выплеснул воду Демону в лицо.

Скупщик, поморщившись, облизал мокрые губы.

– Кончай смотреть дешевые триллеры! – сказал он.

Затем сделал два шага и ухватил Илью за горло.

Словно огромная раскаленная кочерга обвилась вокруг шеи – Илья мгновенно задохнулся, а еще через секунду Демон с легкостью приподнял его и припечатал затылком о стену. От удара в глазах заплясали звездочки – а когда Илья глянул вниз, из капюшона на него смотрело обтянутое желтоватой пергаментной кожей старушечье лицо.

Лицо было мертвым. Глубокие борозды морщин перерезали его во всех направлениях. Узкий крючковатый нос, жидкие седые брови, тонкая полоска губ криво покрашена красной помадой, на впалых щеках видны румяна. Илью передернуло от омерзения. В глубине провалов глазниц пылали яростью мертвые черные глаза.

– Не смей срывать мою сделку! – пилой завизжал в мозгу голос страшной Старухи, уйдя почти в ультразвук. Мерзкий распахнутый рот дынул тошнотворным трупным запахом. Илья отчаянно пытался сделать вдох, но стальная лапа на шее сжималась все сильнее.

У Кирюши, скорчившегося в углу, отчего-то заложило уши. Он видел, как Демон держит незнакомца одной рукой, словно тряпичную куклу – багровое лицо со вздувшимися венами на лбу явно свидетельствовали о том, что тот почти задохнулся. Кирилл не мог видеть лица Демона – но смог разглядеть, что вокруг шеи незнакомца обвилась желтая морщинистая лапа с наманикюренными ногтями.

Внутренности встали колом. Сквозь дурноту Кирилл осознал, что, пока Демон убивает парня в костюме, ему самому нужно бежать! Собрав в кулак остаток воли, Кирюша сделал стремительный бросок к туалетной двери и распахнул ее.

– Сидеть! – загрохотал яростный голос за спиной.

Дверная ручка неожиданно дернулась из руки Кирилла, тяжелая дверь захлопнулась с грохотом. Огромная резная кованная щеколда лязгнула и закрылась сама собой!

Трясущийся Кирилл осел на пол и закрыл глаза.

Демон с силой швырнул Илью на пол, тот повалился на кафель, сипло втягивая в легкие воздух. Скупщик подошел к лежащему Илье вплотную – тот увидел перед самым своим лицом тяжелый армейский ботинок и зажмурился. Присев на корточки, Старуха вгляделась в его лицо, затем провела скрюченным пальцем по щеке, ухмыльнулась.

– Давно не виделись, сладенький! Соскучился?

Илья закашлялся.

– Мне нужно с тобой поговорить! – просипел он.

Мерзкая морщинистая маска вскинула брови:

– И что же ты можешь сказать мне такого интересного?

Демон оставил Илью и отправился к Кириллу.

– Подписывай! – потребовала Старуха, протянув Кириюше свой блокнот.

Кирилл глянул вверх, и сердце его в очередной раз за вечер ушло в пятки – страшная, как сама Смерть, на него из капюшона смотрела ужасная старуха. В глаза бросился покрашенный, словно кровавый, рот. Поспешно отведя взгляд, Кирилл трясущейся рукой взял протянутый блокнот, пробежался по написанным безукоризненным бисерным почерком пунктам.

– Так... Каннский фестиваль... Бондарчук, Фон Триер, Аронофски...

«Надо было еще Кристофера Нолана упомянуть, качественная фантастика всегда в тренде!» – досадливо подумал Кирилл, но, видимо, было уже поздно вносить дополнения.

– Все верно! – пробормотал Кириюша, стараясь не смотреть вверх, чтобы снова не видеть это... лицо.

– Не подписывай ничего! – прохрипел из своего угла Илья. – Пока подписи нет, ты ему ничего не должен! Невозможно жить без таланта, поверь! Жизнь потеряет для тебя смысл!

Кирилл вдруг вспомнил, где он видел это лицо. На рекламных щитах, которыми увешан весь Новый Арбат. «Галерея «Свирель» – 5 лет». Конечно, это же Илья Свирин, какой-то супер-пупер-успешный художник, с которым журнал «Афиша» второй год носит, как с писаной торбой. Наглый самодовольный гусь, судя по фотографиям и обрывкам интервью. Так вот зачем он ввалился в туалет в своем костюме от Бриони – втолковывать ему что-то про смысл жизни!

– Смысл? – хохотнул Кириюша. – Чувак, вот он, смысл! – и он помахал в воздухе блокнотом.

Старуха торжествующе улыбнулась. Расстегнув куртку, она достала висящий на шее огромный резной ключ на тяжелой медной цепочке. Кирилл с удивлением увидел, как Демон разнял ключ на две части – внутри обнаружился небольшой кинжал, вроде ножа для резки бумаги. Присев, Старуха требовательно вытянула руку. Кирилл не сразу понял, чего хочет Демон, а потом опасливо протянул тому руку. Перевернув ее ладонью вверх, Старуха мастерски полоснула по ней кинжалом и тут же приложила к надрезу лист блокнота. На бумаге, прямо поверх рукописных строк с перечислением предназначавшихся Кириюше благ, протянулся неровный кровавый след.

– А дальше что? – спросил Кирилл, поморщившись от боли.

– Я тебя найду! – произнесла Старуха.

Над Кириюшиной головой гроыхнула щеколда, и он с облегчением исчез за дверью.

Демон спрятал кинжал в ножны ключа, сунул блокнот в карман и вернулся к Илье. Тот уже успел подняться и теперь стоял у стены, ожидая собственной участи. Старуха, подойдя вплотную к Илье, какое-то время разглядывала его с мрачным любопытством. Илья мужественно выдержал этот неживой внимательный взгляд и жуткий дух мертвечины, который

исходил от существа в капюшоне. Он сейчас боялся только одного – что Демон, потеряв к нему интерес, исчезнет. Но Старуха, помолчав, вдруг прошамкала с отвратительной ухмылкой:
– Люблю настойчивых мужчин!

5.

В круглосуточном американском ресторанчике на Сретенке в этот поздний час практически не было народу, лишь в дальнем углу заведения тискалась какая-то парочка. На экранах, развешанных по всему заведению, без звука крутилось старое голливудское черно-белое кино. Вечно-юная Одри Хэпберн мчалась на мотороллере по улочкам Рима, вечно-элегантный Грегори Пэк пытался отобрать у нее руль. Пластиковый Элвис в натуральную величину в углу зала перебирал струны на пластиковой гитаре. Со стен на Илью из своих рамок взирали ушедшие идолы. Мэрилин Монро, Джеймс Дин, Чарли Чаплин, Джон Леннон... Интересно, какие демоны донимали их при жизни?

Напротив Ильи, на красном блестящем диване, ухватив татуированной пятерней бокал пива, сидел Скупщик. Он лениво курил, пялился в экран, и вообще был похож на обычного столичного тусовщика, посреди ночи возжелавшего пропустить бокальчик-другой. Илья был рад, что Демон снова сменил свой облик – разумеется, он не питал иллюзий по поводу Скупщика, в каком бы облике тот ни явился, но внешность Старухи внушала ему непередаваемое омерзение.

Себе Илья заказал бургер и молочный коктейль, но о том, чтобы что-то сейчас съесть, не было даже и речи. Поковыряв для видимости длинной прожаренной картофелиной в соусе, он отставил тарелку. В который раз пытаясь начать разговор, он все никак не мог сформулировать первую фразу.

– Херовый из тебя экзорцист! – произнес с издевкой Демон, оторвавшись от экрана.

– Я самоучка! – парировал Илья. – Увы, курсов экзорцистов в Москве не нашел.

Он глянул на вальяжно раскинувшегося на диване Скупщика и решил – раз это адское отродье чувствует себя расслабленно и даже шутит, хватит жевать сопли, пора задать ему вопрос напрямую.

– Как ты это делаешь? – спросил Илья. – В смысле, как ты забираешь таланты?

– Ты за этим меня искал? – насмешливо поинтересовался Скупщик. – Решил написать книжку по занимательной демонологии?

Илья улыбнулся, помолчал.

– Мне нужно знать, имеет ли наш с тобой договор обратную силу.

Демон поставил на стол бокал и с удивлением уставился на Илью.

– Я что-то сделал не так? – спросил Скупщик. – Не выполнил каких-то пунктов в договоре?

– Да нет, все нормально... с договором... – ответил Илья.

Но Скупщик уже извлек из кармана потертый блокнот и с видом заправского бухгалтера начал дотошно перелистывать страницы.

– Нашел! Подпись... – Демон принялся к листку с бурными каплями крови, – твоя. Список вроде тоже твой... Давай проверим: собственная галерея, обожание критиков, крупный грант от Правительства Москвы, и вот, мой любимый пункт: «Пусть на каждую мою мазню найдется покупатель». Хорошо звучит! За сколько у тебя купили первую работу? Кажется, за десять тысяч долларов?

Если быть точным, это была не одна работа – это была целая дорожная сумка, набитая набросками, эскизами и какими-то, почти ничего не стоящими карандашными рисунками, за которую неизвестно откуда взявшийся покупатель, вроде бы из какого-то зарубежного музея современной графики, отвалил Илье баснословную по тем временам цену. Сумку Илья упаковал при переезде из одной съемной квартиры в другую и продал ее, даже не заглянув внутрь. Ему было все равно.

Ощувив странную ностальгию, Илья разглядывал лист блокнота с собственным договором. Он подписал его пять лет назад – и, хотя в тот вечер был в стельку пьян, Илья помнил все до мельчайших подробностей.

То была хорошая осень. Хорошая потому, что он понял, что ему больше нечего ждать. А если нечего ждать – к чему печалиться, правда? Утро начиналось со ста грамм холодной водки и салата «Мимоза» в рюмочной «Посошок», в подвале у метро Новокузнецкая, откуда Илья вместе с альбомом и карандашами перекочевывал в ближайший сквер. Территория в сквере была поделена просто: возле выхода со станции обретались музыканты, какой-то дурной безымянный бэнд, состоящий из вечно простуженного гнусавого солиста с гитарой и басиста, таскающего с собой гитарный «комбик», привязанный к хозяйственной тележке на колесиках. Музыканты играли исключительно русский рок и иногда угощали Илью отличным ганджубасом. В дальнем углу сквера неизменно просила милостыню однорукая веснушчатая девица, выставив изуродованную когда-то в детстве культю под нос прохожим. Вокруг самого метро тут и там на лавочках сидели бомжи и водившие с ними дружбу местные алкоголики, чей ежедневный маршрут также пролегал через «Посошок». А сам Илья всякий раз выбирал себе новое место – он мог рисовать на лавке, устроившись на ограде возле фонтана или просто на земле, усевшись на рюкзак.

В ту осень он получил кличку «Художник». Все было просто – полноценный портрет стоил порцию горячего и пол литра водки. Шарж он рисовал за сто пятьдесят грамм. Профиль накидывал за сто. Денег Илья со своих случайных собутыльников и по совместительству клиентов не брал из принципа – такое у него было настроение. Из квартиры, которую они снимали со Светкой, он съехал почти сразу после того, как она от него ушла. Вещи оставил у одного хорошего друга. Ночевал то здесь, то там – круг его знакомств в Москве был настолько обширен, что его кочевая жизнь со случайными ночными вписками могла длиться целый год. Деньги, оставшиеся от росписи караоке-бара на Солянке, почти закончились. Будущее не просто было туманным, как пишут иногда в книгах – будущего вообще не было.

Можно было чуть подучиться и устроиться татуировщиком в салон к одной знакомой девице или вернуться в рекламное агентство, в котором он подрабатывал дизайнером все студенчество. Можно было наступить на горло собственной гордости и пойти репетитором – преподавать живопись отпрыскам какой-нибудь богатой семейки, страстно косящей под аристократию. Но он вдруг понял, что не хочет что-то планировать, кем-то работать, под кого-то подстраиваться. И даже не потому, что ему, выпускнику Суриковки и обладателю гран-при конкурса студенческих работ в Торонто, было запаadlo разрисовывать туловища клиентов китайскими иероглифами, золотыми рыбками, цветами и героями японского аниме. Ему просто вообще ничего не хотелось делать. Он намеренно поставил собственную жизнь на паузу и отлично в этой паузе существовал. То ли это было просветление, то ли крайняя стадия депрессии.

После того, как случайно узнаешь, что на престижном столичном конкурсе молодых художников, для которого ты полгода рисовал картину, все места давно куплены, а тебя самого внесли в список участников лишь для того, чтобы статистика конкурсантов выглядела более-менее пристойно, первое, что приходит в голову – дать в рожу организатору этого балагана. Но организатором конкурса значился Департамент культуры города Москвы. Кого конкретно следовало бить, было непонятно. Поэтому, отсидев первые тридцать минут торжественного награждения победителей в каком-то пафосном ресторане и накидавшись халявной водки, Илья подошел к сцене, попросил у ведущего, с энтузиазмом перечислявшего призы от спонсоров, микрофон и назвал организаторов и участников конкурса жирными бездарными продажными свиньями. До того, как его выволокла из ресторана охрана, он успел пнуть ведущего, показать всем со сцены средний палец и запустить котлетой по-киевски в декольте дочери префекта ЦАО, которая, собственно, и выиграла конкурс.

Если бы он мог поговорить с самим собой пять с лишним лет назад, в ту самую ночь, когда он блевал на собственные ботинки где-то на детской площадке во дворе на Чистых Прудах, Илья бы запросто объяснил, что просрать какой-то купленный конкурс молодых талантов в двадцать три года – вовсе не катастрофа. Это даже немножко престижно – жизненный опыт, как никак. Но тогда ему казалось, что жизнь кончена, мир – скотская зловонная дыра, и все, чего ему тогда отчаянно хотелось – захлебнуться собственной блевотиной, тут же, у деревянных качелей с зайчиками, под глупые трели невидимого соловья.

В начале ноября, когда стало холодать, музыканты и девица с культей пропали из сквера, бомжи переместились в переход метро, а он сам обосновался в рюмочной, на замызганных столах которой продолжал рисовать за выпивку портреты всем желающим. Он почти стал кем-то вроде местной знаменитости. Именно в рюмочной к нему однажды вечером подсел странный мужчина средних лет, в куртке с капюшоном, и заказал собственный портрет. Пока Илья марал альбомный лист, принесли бифштекс, салат и бутылку отличного коньяка, а сам клиент неожиданно заинтересовался, в какую стоимость тот оценивает собственный талант.

Когда Илья понял, что странный персонаж со скучной внешностью бухгалтера намекает, что может исполнить любые его желания, он решил, что это шутка такая. И, закусывая коньяк мясом, тут же, продолжая веселиться, сформулировал список собственных требований, после чего самолично проткнул палец столовым ножом, которым до этого резал бифштекс, и капнул кровью на блокнот. Если бы в тот вечер Илье встретились в рюмочной марсиане и предложили махнуть с ними в космос, он бы согласился с таким же энтузиазмом. Той осенью ему все было по барабану.

Илья оторвал взгляд от блокнота, глянул на Скупщика и обомлел – на него из-под капюшона сквозь толстые линзы очков смотрел мужчина средних лет. Именно в этом обличье пять лет назад к нему и явился Демон! Илья в мельчайших деталях помнил это лицо: серые блеклые глаза, тонкий крючковатый нос, плохая бугристая кожа. Он запомнил это лицо во-многом потому, что портрет мужчины в капюшоне до сих пор висит у него в кабинете Галереи – это его последняя *талантливая* работа. После подписания договора все, что бы ни нарисовал Илья, было катастрофически, омерзительно бездарным.

– Так что, у тебя ко мне есть претензии? – переспросил Демон деловым тоном.

– Нет, что ты, к тебе у меня претензий нет! – усмехнулся Илья, разглядывая собеседника. – Ты молодец! Если было бы можно, я бы написал тебе хвалебный отзыв... в дьявольской книге жалоб и предложений.

Демон хмыкнул, спрятал блокнот и неуловимо перевоплотился в парня с татуировками. Он залпом допил свое пиво и поставил бокал на стол.

– В таком случае наш разговор можно считать оконченным.

– Нет! Не оконченным! – рявкнул Илья и сам удивился собственной наглости. – Да, у меня есть к тебе претензии.

– Какого рода?

– Это не конкретно к тебе претензии... Это вообще претензии. Я понял, что ошибся, – твердо сказал Илья. – Наш договор был чудовищной ошибкой, и я хочу его расторгнуть.

Демон достал из пачки сигарету, сунул ее в рот, чиркнул спичкой о коробок с логотипом заведения. Затянулся, выпустил дым, глянул на Илью.

– Раскаяние, душевные муки и запоздалые терзания – не по моей части. С этим идут к духовнику. Или к психоаналитику. Я, насколько ты понимаешь, здесь вообще ни при чем – ты сам, добровольно, отказался от дара Божия, а я лишь оформил все, скажем так, юридически.

– Я хотел рисовать! – воскликнул Илья. – Я был чертовски талантлив! Я просто... съехал с катушек после этого гребанного конкурса. А ты воспользовался моей душевной слабостью! Ты ведь всегда так делаешь! Появляешься тогда, когда у человека больше не остается сил во что-то верить! Ты отнял у меня все, а я ведь просто хотел реализоваться...

– Я, я... – передразнил Илью Скупщик. – Ты хотел продаваться. Хотел выставок, славы и денег. Давать интервью, трахать телочек, не вылезать из телевизора... Разве я не дал тебе того, чего ты хотел?

– Я был идиотом, – признался Илья. – Молодым амбициозным идиотом. А сейчас я понимаю, что мог всего добиться сам. Без тебя!

– Но ты ведь не хотел ждать! – улыбнулся Демон. – Люди всегда хотят всего и сразу! И я им это даю.

К столику подкатила симпатичная улыбчивая официантка на роликах, одетая, как американская школьница. Заменяла пепельницу. Забрала у парня в капюшоне пустой бокал из-под пива и укатила прочь. Скупщик проводил оценивающим взглядом ее крепкие ляжки, мелькающие под короткой клетчатой юбкой, затем снова повернулся к Илье.

– Ты меня для этого искал – пожаловаться? – поинтересовался Демон, дымя Илье в лицо.

– Куда ты потом деваешь таланты? – спросил мрачно Илья. – Толкаешь на адском черном рынке?

– Это коммерческая тайна! – оскалился Скупщик.

«Вот же изворотливая сволочь!» – подумал Илья.

– Послушай! – горячо зашептал он. – Я жить не могу! Дышать не могу! Тебе этого не понять, но я словно умер, тогда, пять лет назад! Это ужасная ошибка! Глупое, чудовищное недоразумение. Я уже тысячу раз раскаялся. Серьезно, я на исповеди был!

– Помогло? – живо поинтересовался Демон, смяв в пепельнице окурки.

– Если бы!.. – воскликнул Илья.

– Такова людская натура – совершать ошибки и каяться! – произнес Демон скрипучим старушечьим голосом. Из капюшона на Илью снова смотрела Старуха. Она ткнула скрюченным пальцем в стакан с молочным коктейлем. – Будешь?

Илья покачал головой. Обрадовавшись, Старуха проворно забрала стакан и с наслаждением припала к трубочке. С шумом втянув в себя почти залпом громадную порцию бананово-шоколадного шейка, Старуха облизнула губы и поставила пустой стакан на стол.

– Если сеанс психотерапии окончен, позволь откланяться, голубчик! – проскрипела Старуха и поднялась с дивана.

– Верни мне мой талант! – схватил ее за рукав Илья. Ему было уже плевать на то, что адская тварь может с легкостью переломить ему шею, если захочет.

Демон отдернул руку. Сверху на Илью снова смотрел мужчина в капюшоне.

– Пожалуйста! – попросил Илья.

Скупщик насмешливо скривился, подумав, снова сел.

– И что ты готов дать мне взамен? – вкрадчиво поинтересовался он.

– Все, что угодно! – с готовностью заявил Илья. – Что нужно, чтобы расторгнуть договор? Забирай все мои деньги. Квартиру. Чертову галерею. Я подсчитал – если продать все, получится даже больше, чем... было вначале. Мой юрист поможет перевести все активы в наличку буквально за пару недель. А всю сумму я могу перечислить в детский дом. Или... в какую-нибудь больницу... Это же так работает, да? Искупление добрыми делами?

– Оставь благотворительность для прессы! – поморщился Скупщик.

Илья замялся.

– Просто скажи, что я должен сделать!

– Какой ты забавный! – расхохотался Демон. – Убить, например, кого-нибудь сможешь?

– Убить? Это обязательно? – растерялся Илья. – Нет, убить не смогу... наверное...

– Тогда почему я должен вернуть тебе твой талант? – посерьезнел Скупщик. – Просто потому, что тебе надоела твоя успешная жизнь? Твой Бентли, твой счет в банке, твоя любовница? Опять осенняя депрессия накатила? Думаешь, можно трижды прочитать «Отче наш»,

поставить в храме свечку, купить в детскую больницу томограф, и все, грехи обнулились? Или ты решил, плеснешь в меня святой водой, и снова сможешь рисовать?

Илья отчаянно пытался возразить, но не мог!

Скупщик наклонился к Илье, мерзкая ухмылка разрезала надвое лицо Демона, а потом вдруг сквозь человеческие черты проступило такое, отчего у Ильи закружилась голова – сквозь кожу стали видны черные провалы глазниц, нос ввалился и исчез, а вместо ухмыляющегося рта обнаружился полусгнивший оскал. На Илью из-под капюшона таращился желтый, гладко обглоданный червями череп.

– Договор обратной силы не имеет! – прозвенел голос Скупщика у Ильи в мозгу.

Тот, не мигая, смотрел в черные бездонные глазницы, и эта бездна, скручивая внутренности в узел, затягивала все глубже и глубже. Зазвенело в ушах, Илья моргнул, провел по лицу ладонью, а когда пришел в себя, Скупщика уже не было.

Упустил! Илья судорожно выгреб из кармана несколько купюр, кинул их на стол и бросился к выходу. Ему показалось, что черная фигура в капюшоне мелькнула за окном, но когда он очутился на улице, она была совершенно пуста.

Влажно поблескивала в свете фонарей мощеная мостовая. Где-то вдалеке, невидимый, протарахтел автомобиль. Илья растерянно стоял под неоновой вывеской – вокруг него не было ни души.

А, нет, вон там, за угол соседнего дома, кажется, завернула какая-то фигура! Илья бросился бежать следом, в три прыжка настиг человека в капюшоне, рванул на себя за плечо – на него смотрел абсолютно незнакомый парень лет восемнадцати.

– Че надо? – поинтересовался ночной пешеход с легким вызовом.

Илья вгляделся в его лицо – при своей любви к перевоплощениям Скупщик мог прикинуться кем угодно. Но этот парень... пожалуй, нет, это не Скупщик.

– Я... обознался. Извини, чувак!

Парень, хмыкнув, зашагал прочь. Илья почти бегом вернулся к кафешке. Повертелся на одном месте, лихорадочно прикидывая, куда двинуться дальше. Выскочил на пустынный перекресток, рванул в сторону темного сквера, обежал ряды темнеющих в ночи лавочек, вернулся... Отдышался и разочарованно понял, что он абсолютно один, и ловить ускользнувшего Демона бессмысленно.

«Договор обратной силы не имеет!» – звенело у него в голове. Не имеет!

Жизнь можно было смять, как кусок бумаги, и зашвырнуть в мусорное ведро.

Илья рассмеялся, нащупал в кармане ключи и зашагал в сторону своей припаркованной за перекрестком машины.

Жалости к себе не было. Вообще ничего не было. Был черно-белый бессмысленный слайд, на котором человек посреди ночи шагает по мокрой мостовой.

По крайней мере, теперь все стало абсолютно и окончательно ясно.

Договор обратной силы не имеет.

Илья нажал на кнопку на брелке и тут только увидел женский силуэт возле своей машины. Замедлил шаг, приблизился, гадая, с какой целью незнакомая девица ошивается возле его авто, и лишь в последний момент заметил, что девушка с дредами и тоннелями в ушах одета в широкие штаны и ботинки на протекторе.

Таким Илья видел Демона впервые. Скупщику явно доставляло удовольствие жонглировать собственной внешностью.

– Зажигалку найдешь? – спросила незнакомка, доставая из пачки сигарету. Ее можно было назвать красивой – большие серо-зеленые глаза, крупные чувственные губы.

Илью передернуло. Он полез в карман, потом вспомнил, что зажигалка должна быть у него в бардачке, медленно открыл дверь, не спуская глаз с ухмыляющейся дредастой девицы,

влез в салон, нашел зажигалку, протянул ее Демону. Та, прислонившись к машине, с наслаждением затянулась.

– Знаешь, в чем прелесть курения? – произнесла она, выпуская дым. – В том, что лично мне оно не причиняет никакого вреда!

Илья стоял рядом. Он окончательно перестал что-либо понимать.

Какое-то время обладательница роскошных дредов курила, глядя, как невидимый ветер вяло перебирает кроны полуоблетевших деревьев в сквере, потом повернулась к Илье.

– Уговорил! – произнесла Девушка. – Я верну тебе твой талант.

Илья не мог поверить своим ушам. Неужели все так просто?

– Правда? – произнес он, чувствуя, как трясутся руки.

Демон посмотрела на него снизу вверх.

– При одном условии. Ты отговоришь троих человек.

– От чего? – не понял Илья.

– От продажи мне своего таланта, – улыбнулся Скупщик девичьими губами.

Илья молча смотрел в это красивое лицо, лихорадочно пытаясь сообразить, в чем же здесь подвох.

– И... все?

– Да! – просто ответила Девушка. – И забирай свой. Согласен?

Илья хотел было выпалить: «Да!», но осекся.

– И никаких сроков или каких-то прочих условий? – поинтересовался он.

– Нет.

Демон стоял рядом, ожидая решения Илья. Налетевший ветер забрался за воротник, Илья поежился. Почему Скупщик передумал?

– Если это какой-то обман... – начал он.

– Даю слово! – сказала Девушка и протянула руку.

Илья увидел перед собой эту маленькую сухую ладонь с тонким серебряным колечком на большом пальце, снова перевел взгляд на Демона. Та стояла с абсолютно серьезным видом – худая, хрупкая девчонка лет двадцати двух.

«Какое сумасшествие!» – подумал Илья, потом вдруг понял, что терять ему нечего, и пожал руку Демона в знак согласия.

Не было никаких электрических разрядов, чудовищной силы рукопожатия или прочих неприятных ощущений. Это была обычная теплая человеческая ладонь.

– Договорились! – сказала Девушка и сунула руки в карманы.

– А как я... – хотел уточнить Илья.

– Я тебя найду.

Она поправила ляжку рюкзака, сунула в уши висящие на шее наушники, набросила на голову капюшон и зашагала прочь.

Илья обалдело смотрел ей вслед. Потом вдруг ему в голову пришла мысль ее подвезти, но он отринул ее как абсолютно безумную. Подвезти Демона посреди ночи в Москве? Куда? В Ад?

Илья хохотнул. Темный женский силуэт миновал фонарь, свернул в переулок и пропал.

Кирюша спал, разметавшись на кровати. По своей дурной привычке, он снова завалился спать в одежде. Просто потому, что не было сил сдирать с себя рубашку, нащупывать непослушными пальцами пряжку от ремня, стягивать носки... Он добрался домой в беспомысленности, был вознесен по лестнице крепкими руками верных друзей и передан заспанной Ритке, которая и дотащила сонное пьяное туловище до кровати.

– На, если будешь блевать! – громко произнесла Ритка, шлепнув у Кирюшиной кровати старый пластмассовый таз, затем выключила свет и закрыла дверь.

Кирюша решил, что блевать не будет. Он какое-то время маялся на кровати, ловя непослушными зрачками медленно кружащийся над головой потолок. События нынешнего вечера, а также и последнего месяца рваными фрагментами всплывали в памяти. Какой-то парень размахивал у него перед носом распятием, отовсюду выскакивали и снова пропадали крохотные злые татуированные человечки, а под ногами, потрескивая в жарком пламени, горели и превращались в сморщенные комки пепла пачки новеньких, перехваченных разноцветными резинками банкнот. Кирилл попытался выхватить из огня пачку денег и провалился сквозь это фантастическое месиво в сон.

Кирюше снились поля. Залитые солнцем поля – бесконечная зеленая равнина, подернутая ярким контрапунктом одуванчиков. Солнце струилось сладким медом, где-то неподалеку поблескивала речная заводь. Кириллом завладел детский восторг – ощутив себя пятилетним мальчишкой, он осознал, что жизнь прекрасна, что все впереди, и это все непременно сложится самым лучшим образом. Рассмеявшись, Кирюша хотел вдохнуть полной грудью сладкий солнечный воздух... но не смог. Воздуха не было! Солнце вдруг померкло, трава на зеленой равнине скукожилась... Очутившись в полной темноте, Кирилл понял, что лежит на кровати в своей комнате и отчаянно пытается глотнуть воздуха.

Окончательно проснувшись, Кирилл попытался шевельнуться, но тело не слушалось. Оно казалось неподвижной каменной массой. Сверху, сплющивая грудную клетку, его словно придавило стотонной железобетонной плитой. Чувствуя, как от отсутствия кислорода закружилась голова, Кирюша понял, что по какой-то неведомой причине его душа навсегда замурована в его парализованном теле! Всхлипнул от безысходности и снова проснулся. Сквозь накативший ужас он вдруг увидел, что на его груди кто-то сидит!

Черный силуэт на фоне слабо освещенной уличным фонарем стены. Вытаращив глаза, Кирилл пытался разглядеть чудовище, придавившее его к кровати. Но черная неподвижная тень была темнее самой тьмы – Кирилл силился понять, сон это или явь... Вдруг тень шевельнулась, наклонилась к беззвучно завопившему от ужаса Кирюше и приложила скрюченный палец к напомуженным губам.

– Тсс! – прошептала из-под черного капюшона Старуха и подмигнула ему развратным мертвым глазом.

6.

Низкое небо изредка роняло крупные ленивые капли. Влажная трава под ногами слегка скользила. Илье, пробиравшемуся вдоль рядов, пару раз пришлось ухватиться за безликие кладбищенские оградки. Наконец он нашел нужный ряд и пошел вдоль могил по тропинке, невольно отмечая фамилии на серых и черных надгробных памятниках. Кто были все эти люди? Как они прожили отмеренный им кусок бытия?

Илья с детства не переносил унылый кладбищенский дух и не мог себе внятно объяснить, зачем он приходит сюда уже третий год подряд. Отдать дань памяти близкому другу? Уже слишком поздно, да и покойникам, как известно, все равно. Помолиться об усопшем? Подобная мысль вызвала у Ильи разве что саркастическую ухмылку. Поговорить о чем-то с воображаемым другом? Так с ним, при желании, можно поговорить где угодно, хоть в собственном сортире. Ясно ведь, что на кладбище искать нечего – это просто склад гнилых телесных оболочек, сданных своими бывшими хозяевами в утиль. Вместо того, чтобы захламлять землю ничемной гниющей биомассой, нужно было давно перейти на тотальную посмертную кремацию. Просто. Гигиенично. Освободившуюся территорию можно отдать под парки и детские сады.

И все же Илья шел на могилу к Олегу, потому что не мог не идти. Наверное, так убийцы возвращаются на место преступления. А так как Илья определенно имел самое непосредственное отношение к смерти своего лучшего друга, все было верно. Место в данном случае не имело особого значения – просто на кладбище было спокойнее, чем у отбойника на Ленинградском шоссе, в который два года назад Олег влетел на своем Форде...

Она уже была здесь – Илья издалека заметил ее цветастый плащ. Прямая спина, аккуратно убранные в пучок волосы. В пять лет мать отдала ее на художественную гимнастику – и хотя профессиональной спортсменки из Милы не вышло, девушка всегда выглядела так, словно в любой момент может выпорхнуть на ковер и показать упражнения с булавами. Илья замедлил шаг – по дороге на кладбище он надеялся, что они с Милой разминутся. Не разминутись.

– Привет, – сказал он, подойдя.

Девушка обернулась, улыбнулась обрадованно.

– Привет! – она подвинулась, освобождая для Ильи место рядом с собой.

Илья положил цветы на могилу и уселся на мраморную скамью. Мила взяла его за руку.

– Хорошо, что пришел! – сказала она.

Несмотря на грустное выражение лица, Мила была, как всегда, свежей, приятно пахнущей, улыбчивой. Всякий раз, когда она смотрела на него вот так, с тихой сестринской нежностью, как смотрела когда-то на родного брата, Илье хотелось провалиться сквозь землю. Он скривился, надеясь, что выражение его лица Мила примет за гримасу скорби.

Отвернувшись, Илья принялся разглядывать вычурные вензеля, печальных мраморных ангелов с позолоченными крыльями и искусно высеченную из камня тяжелую ткань, ниспадающую складками на огромную черную плиту с цифрами. Пафосное и невероятно дорогое надгробие для Олега заказал и оплатил Илья, он же взял на себя все расходы по погребению друга. По сути, после смерти Олега Свиринов стал финансовым попечителем его семьи – оплатил дорогостоящее лечение его матери в Германии, подарил младшей сестре машину и устроил ей через знакомых протекцию в один престижный ВУЗ. Илья пытался хоть как-то компенсировать смерть друга. Интересно, смотрела бы на него милая Мила с такой же благодарностью, если бы узнала, что ее старший брат погиб по его вине?

Технически это он, Илья, должен сейчас лежать на кладбище, под мраморной плитой с позолоченными ангелочками.

К слову – Илья тоже был в том Форде, влетевшем в отбойник посреди ночного шоссе. На пассажирском сиденье. Дорога была мокрой, Олег был трезв, а вот Илья – пьян почти до беспамьятства. Они ехали с какой-то очередной вечеринки, и Олег, объезжая грузовую фуру, попросту не справился с управлением на скользком асфальте. Самого столкновения Илья не помнил, пришел в себя только в реанимации, и первое, что он узнал – что отделался сотрясением мозга, двумя переломами и кучей гематом, а второе – что водитель Форда погиб на месте.

Доказательств того, что происшествие случилось не просто так, не было! Это был банальный среднестатистический несчастный случай, коих за сутки в Москве происходит до черта. К тому моменту сам Илья и думать забыл о какой-то непонятной вселенской компенсации, которую ему посулил Демон. Он и самого-то Демона почти причислил к еще одной из своих художественных фантазий – почти поверив, что потерял талант к рисованию на нервной почве, что мужчина в капюшоне был его обычным случайным собутыльником, а последующее везение, со всеобщим признанием, собственной галереей и кучей международных выставок, пришло само по себе.

Но, глядя в гладкий больничный потолок, Илья понимал, что обмануть себя не получится. Это была не просто авария, это была расплата за его контракт со Скупщиком. Даже если бы он уехал с той тусовки на такси, а не просил Олега забрать его из ресторана, даже если бы он не пил и отправился домой на своем авто, даже если бы он вовсе никуда не ездил в тот вечер, мироздание все равно хорошенько пнуло бы его под зад – не в этот, так в следующий раз.

Просто в этот раз под раздачу попал не он, а его близкий друг. Человек, которого он знал с первого курса, единственный, кто не бросил его в самые беспросветные времена, когда Илья бесцельно дрейфовал по жизни, как кусок дерьма, человечие, не давший ему окончательно стать пафосным зажавшимся мудаком, когда на Илью свалилась вселенское везение...

Чудовищную необратимость потери Илья осознал лишь после смерти Олега. Близкие люди – это как рука или нога, наличие которой ты считаешь чем-то, само собой разумеющимся. А вот их отсутствие напрочь меняет жизнь. В смысле, жить-то можно, но как прежде – уже не получится.

Радости от того, что смерть проскочила мимо, не было. Было какое-то гадкое послевкусие, как от горьких больничных лекарств. Выписавшись, Илья первым делом приехал не домой, а в галерею. Еще на подходе, на ступенях огромного здания-куба его начало почти буквально тошнить от безвкусного пошлого антуража, окружавшего галерею. Все, что раньше вызывало восторг и чувство гордости, на деле оказалось бездушной пафосной подделкой. Помпезные мраморные ступени с сидящими по бокам фантастичными крылатыми химерами в стиле стимпанк, вычурная вывеска «Авторская галерея современного искусства "Свирель"» на фасаде, и сразу под ней – портрет самого хозяина, метра в три высотой: фальшиво-оухотворенное, вычищенное «фотошопом» до состояния мраморной гладкости лицо... Задрав голову, Илья рассматривал собственное, абсолютно чужое изображение, и не мог понять, что же между ним и этим исполинским портретом, общего? Потом стремительно вошел внутрь, в огромный холл, и кинулся к ближайшему зеркалу.

На мгновение ему показалось, что, словно в истории про Дориана Грэя, на контрасте с идеальным ликом на фасаде, зеркало отразит истинное лицо Ильи – отвратительную маску, лицо бездарного обманщика, за последнюю неделю постаревшего лет на пятьдесят. Но в зеркале Илья был почти таким же, как на фасаде – молодой, сероглазый, чуть осунувшийся, с модной стрижкой... Разве что с одной из скул еще не сошел синяк, да левая рука в гипсе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.